Каганович

Как достается хлеб.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ
Народного Комиссариата по Продовольствию.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!"

КАК ДОСТАЕТСЯ ХЛЕБ.

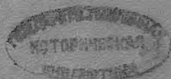
ДОКЛАД
Уполномоченного В. Ц. И. К. по реализации урожая 1919 года в Симбирской губернии.

тов. КАГАНОВИЧА.

Цена 15 руб.

МОСКВА.—1920.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

1. Самостоятельная заготовка организаций.

1 июля 1919 г. был издан всем известный декрет о самостоятельной заготовке хлеба в Симбирской губернии рабочими и некоторыми крестьянскими организациями.

По декрету предоставлялось право самостоятельных заготовок 14 рабочими, 33 крестьянскими организациями; первым было разрешено организовать 125 отрядов, вторым—70 отрядов.

Этот наплыв 200 отрядов с 5.000 отрядников внушал вполне основательное опасение Компроду могущих быть осложнений, как с местным Губпродкомом, так и с населением, вследствие чего я был командирован для руководства заготовительной работой отрядников с чрезвычайными полномочиями.

Компрод не дал мне точных инструкций, а предложил руководствоваться фактическим положением на месте; я взял на себя выполнение возложенной на меня задачи, и 11 июля приехал в Симбирск.

Единственный материал, который у меня был под рукой по Симбирской губернии, это—разверстка $13^1/_2$ мил. пудов хлеба и выполнение ее в количестве 2 мил. пудов; таким образом, выходило, что в губернии как будто бы есть еще 10—11 милл. пудов хлеба.

По прибытии в Симбирск я застал там 13 отрядов, уже с нетерпением ожидавших отправки; отряды продолжали прибывать пачками каждый день.

Пришлось заняться срочным выяснением,—куда их отправить и на какую заготовку можно было рассчитывать.

По сведениям, собранным в Губпродкоме, правда, весьма и весьма предположительным, основанным больше на интуиции, чем на реальных фактических данных, выходило, что хлеба в губернии почти нет.

Губпродком считал, что из разверстанных $13^1/_2$ мил. пудов около 5 милл. заготовлено им, около 5 милл. вывезено мешочниками, до 1 миллиона пудов выкурено на самогонку, и до 2 милл. пудов преувеличена разверстка; таким образом, по его исчислениям, для заготовки отрядов оставалось около 500 тыс. пудов хлеба. Если предположить, что заготовить удастся в лучшем случае 50% плана, можно было рассчитывать на заготовку только 200—300 тыс. пудов. Заведующий хлебофуражным отделом ручался, что больше 200 тыс. пудов заготовить не удастся.

Картина получалась менее радужная, чем можно было предполагать в Москве; однако, она имела под собой не более реальную почву, чем московская. Впрочем, раздумывать было некогда, нужно было разбивать губернию на районы для отправки отрядов.

Тут встретилось весьма серьезное препятствие в отсутствии в Губпродкоме точных сведений о хлебородности того или иного района и о количестве вывезенного из каждой волости хлеба.

Сопоставив целый ряд фактов: размеры разверстки, приблизительные данные о вывозе и бывший до того наплыв мешочников, мы разделили все волости на четыре категории: в 1 категорию включили волости надежные по хлебу, во 2—менее надежные, в 3—сомнительные и в 4—безнадежные. Первых оказалось 117 волостей, вторых—59, третьих—8, остальные пришлось отнести к четвертой категории.

В виду отсутствия каких то бы ни было данных о состоянии селений решено было взять за единицу района волость; так как подходящих волостей для каждого отдельного отряда не хватало, то районы были отведены не каждому отдельному отряду, а соединенным отрядам при обязательной работе в общий ко ел данных отрядов, при чем рабочим организациям были отведены волости первой категории.

Наши первоначальные предположения, что вследствие краткости срока (декрет был действителен до 15 августа), прибудут отряды не от всех организаций, не оправдались. Изголодавшиеся рабочие и крестьяне спешили использовать право самостоятельных заготовок, считая его еди ственным средством спасения от голода. К концу июля прибыло 247 отрядов с 5.700 отрядниками.

С некоторыми шероховатостями удалось все же сравнительно быстро разместить все прибывшие отряды по районам. Мною была дана им следующая инструкция.

„1) По прибытии в район заготовок отряд регистрируется в Волисполкоме.

2) Собирается сельский сход, на котором отряд об'являет цель своего прибытия и сговаривается о ходе ссыпки. Если противодействия к ссыпке нет, то оставляется необходимое количество отрядников, остальные же переходят в другое селение своего района; разбившись таким образом на группы, отряд ведет работы, производя подворный учет всего запаса хлеба и оставляя населению по $1^1/_2$ пуда на едока и 3 пуда на лошадь.

3) Отряд очищает район своей деятельности от мешочников, направляя их в распоряжение Упродкома.

4) В каждой группе должно быть не менее 5 чел.

5) Старший группы назначается комиссаром отряда; комиссар выдает удостоверения за печатью волостного или сельского Совета и отвечает за действие отряда.

Комиссар отряда и его заместитель поддерживают непрерывную связь между группами, об'езжая их и инструктируя, для каковой цели комиссар в экстренных случаях имеет право требовать подводу за таксированную плату; отряды передвигаются за плату по соглашению с возчиками.

7) Действием отряда руководит штаб или уполномоченный организации, пославшей отряд.

8) Штаб организации координирует действия всех отрядов, сносится непосредственно с Губернским Рабочим Бюро и утверждается особоуполномоченным Наркомпрода.

9) Район заготовок отряда определяется штабом или уполномоченным организации по соглашению с Рабочим Бюро и утверждается особоуполномоченным Наркомпрода.

10) Отряд может производить заготовки только в своем районе и обязан ссыпать в указанном пункте.

11) Согласно декрета отряд может заготовлять: рожь, пшеницу, полбу, гречиху, горох, чечевицу, муку пшеничную и ржаную, крупу гречневую, ячневую и перловую, пшено.

12) Овес может быть заготовляем с условием сдачи его Губпродкому; взамен сданного количества овса Губпродком выдает такое же количество ржи. Расплата за хлеб производится на ссыпном пункте уполномоченным Губпродкома.

13) В случае необходимости отрядам представляется право оплачивать провозную плату до ссыпного пункта из своих средств.

14) В случае обнаруживания необмолоченного хлеба отрядам представляется право обмолачивать его или собственными силами, или путем найма, при чем сельско-хозяйственные орудия, имеющиеся в данном районе и необходимые для обмолота, передаются в распоряжение отряда.

15) Каждая организация имеет на ссыпном пункте своего представителя; заведующий ссыпным пунктом открывает каждой оргинизации личный счет, регистрируя количество ссыпанного ее отрядом хлеба. На ссыпанный хлеб на руки сдатчику обязательно выдается квитанция, которая служит зачетной при получении товара. Ордер квитанции оставляется у отряда, на котором сдатчик хлеба расписывается в том, что никаких претензий на действия отряда он не имеет; в случае претензий таковые вписываются. Корешок квитанции оставляется на ссыпном пункте.

16) С ссыпного пункта на станцию погрузки хлеб вывозится средствами Губпродкома, отряды же оказывают Губпродкому полное содействие.

17) Для отправки хлеба с ссыпного пункта, погрузки и для получения планового наряда на отправку необходимо представить особоуполномоченному Наркомпрода ордера квитанции.

18) Для более скорого получения нарядов на вагоны вменяется в обязанность отряду через каждые пять дней сообщать особоуполномоченному Наркомпрода о количестве заготовленного хлеба по каждому роду в отдельности.

Примечание. При несвоевременном представлении сведений особоуполномоченный не может гарантировать погрузку.

С каждого отряда за подписями комиссара и его заместителя было взято обязательство в том, что отряд должен производить заготовку, строго руководствуясь декретами и инструкцией; во все время работы держать себя честно и с полным сознанием возложенного долга; не производить реквизиций других продуктов, кроме указанных в декрете; для личного пользования покупать продукты исключительно за наличный расчет ценами по соглашению и в количестве, не превышающем текущей потребности; не допускать в своей среде игры в карты, не употреблять спиртных напитков в каком то бы ни было количестве.

Обязательство заканчивалось указанием, что в случае его нарушения весь заготовленный отрядом хлеб будет реквизирован, отряд расформирован и отправлен в распоряжение пославшей его организации для предания суду, как изменившего трудовому голодающему народу.

Как инструкцию, так и это обязательство, отряд должен был оглашать на сельских сходах.

Пункт 13 и 14 инструкции, как скрыто разрешающие возможность увеличения твердых цен, могут вызвать удивление у каждого продовольственника, но было ясно, что полевые работы, предшествовавшие приходу отрядов, усиленная реквизиция Губпродкомом, неопытность отрядов и отсутствие у них вооружения позволяли мало питать надежды на возможность заготовки по твердым ценам.

В большинстве случаев отряды предполагали увидеть в Симбирской губернии полные амбары крестьянского хлеба и стога необмолоченных снопов, каковые крестьяне не хотят сдавать, а Губпродком не может взять.

Московские отряды заявляли, что они ехали в полной уверенности, что им нужно только немножко поговорить с крестьянами, взять от них хлеб, погрузить и отправить его голодающей Москве, а кажется, Владимирский губотряд, состоявший из стариков, полагал, что ему останется только сопровождать хлеб, уже чуть ли не погруженный в вагоны. Отряд новостроющейся Рыбинской железной дороги прибыл даже со своим пароходом и баржей.

Действительность очень скоро показала, что дело обстоит не так просто. По приезде в деревню продотрядники со всем пылом продовольственной молодости начали агитировать, но встретили двоякое отношение. В ответ на свои горячие речи они слышали упорное кулацкое „дай“: дай мануфактуру, соль, спички и т. д! Не имея под руками цифр, которыми еще иногда можно было бы подействовать на середняка, а горя только святой верой в силу правдивого слова, естественно продотрядники терпели поражение в словесном турнире. В менее кулацких селениях слово правды видимо трогало… „Плачут на митинге,— говорили многие комиссары отрядов,— а хлеба все-таки не дают; в лучших случаях выносят постановление дать добровольно от 50 до 500 пудов, смотря по величине селения“.

Вот несколько постановлений из массы доставленных мне.

„Общее собрание Шугуровского сельского общества, Шугуровской волости, Ардатовского уезда, на котором присутствовало 150 человек, заслушав доклад комиссара продовольственного отряда № 16, тов. А. Леурашева и инструкцию особоуполномоченного Наркомпрода о проверке запасов хлеба и принимая во внимание, что в селе Шугурове однодневная проверка запасов уже была произведена смешанной комиссией трех сел волости по 40 человек от каждого села, при чем в селе оказалось по 31 фунту на едока, постановило учет запасов хлеба отклонить по случаю рабочего времени и за неимением излишков запаса хлеба“.

„Общее собрание деревни Большая Цильна, Больше-Цильнинской волости, Симбирского уезда, состявшееся 22 июля, заслушав просьбу тов. Беляева, командированного голодающими рабочими Владимирской губернии, поделиться хлебом с голодающими, единогласно (на собрании присутствовало 350 человек) постановило отдать сто пудов ржи, каковую и доставить на ссыпной пункт в Ундоры“.

„На общем собрании села Мало-Начаткина, Русско-Цильнинской волости, Симбирского уезда постановлено отвести по твердым ценам на ссыпной пункт триста одинадцать пудов“.

Ерпелевский волостной исполнительный комитет, Курмышского уезда, выдал начальнику 163 продо-

тряда тов. Егорову удостоверение в том, что в Ерпелевской волости излишков хлеба старого урожая нет, так как таковые уже сданы в обще-государственный фонд.

„Общее собрание крестьян села Смышляевки (2 августа), заслушав заявления комиссара N отряда тов. Додонова и других товарищей о необходимости проверки запасов хлеба прежних урожаев в амбарах и других помещениях, производстве ему точного учета, до проверки хлеба постановило не допускать“.

Отряды пробовали обращаться к содействию Волостных и Сельских советов, но с их стороны, конечно, никакого содействия не встречали. В протоколах двух съездов комиссаров отрядов отражается это настроение Волостных и Сельских советов.

„Собрание комиссаров рабочих отрядов, работающих в районе Карсунского уезда по заготовке хлеба по декрету от 1 июля 1919 г., в присутствии представителя от Наркомпрода тов. Романова, уполномоченного Симбирского Губпродкома т. Григорьева, членов Упродколлегии Демидова и Делюгина, под председательством Упродкомиссара тов. Бессонова, заслушавши протокол заседания комиссаров отрядов и доклады комиссаров о тех причинах, по которым тормозилась заготовка хлеба в районе Карсунского уезда постановило: принимая во внимание, что заготовка хлеба в районе Карсунского уезда идет совершенно безуспешно и, кроме того, уборка нового урожая совершенно не дает возможности выкачивать хлеб, работу прекратить и доложить Особоуполномоченному Совнаркома о следующих причинах неуспешной заготовки.

Декрет Совнаркома от 1 июля как раз совпал с моментом уборки нового урожая 1919 г., так что подворного фактического учета почти не удавалось никогда произвести; крестьяне не допускали отряды к подворному учету, добровольная же ссыпка также хорошей быть не могла; крестьянство, не стесняясь, наносило оскорбление членам отрядов; излишки хлеба в большинстве выкачены Упродкомом, и потому больших излишков у крестьян не имеется; кулацкое засилье во всех почти Волостных и Сельских Советах не позволяло отрядам получать со стороны местных волостных и сельских властей содействие, наоборот же всегда местная власть тормозила работу и не позволяла правильно ее продолжать. Реальной силы, которая была необходима для содействия в работе, при Упродкоме не имелось, а местным Военкомом в ней было отказано; кроме того, местный гарнизон в большинстве состоял из местных жителей, что не давало никакой надежды рассчитывать на его содействие“.

„1919 г. июля 22 дня комиссары и заместители продовольственных отрядов Нижегородской губернии за № № 38, 66, 92 и 97 и профессиональных союзов, обсудив на совместном заседании создавшееся положение с заготовкой продовольствия в отведенных волостях, имеющих излишки хлеба: Николаевской, Жедринской, Эдилевской, Ново-Бакшанской и Головцевской, постановили составить акт в том, что по прибытии в Николаевский Волисполком не нашли в его лице никакой поддержки, что повторилось и на совместном заседании Волисполкома с сельскими советами, в результате чего волостной съезд указанной выше волости, имеющей излишки хлеба до нового урожая, категорически отказал в заготовке хлеба; несмотря на то, что сход собирался два раза, длительностью каждый раз от 4 до 5 часов, мы получили категорический отказ. Причина его заключается в том, что по вынесенному нами впечатлению замечается засилье кулаков и зажиточного крестьянина — середняка, при наличии у крестьян 1500 десятин полезной пахотной земли, взятой у помещиков. Совет по своему составу абсолютно аполитичен, по всей волости не имеется ни одной ячейки и в ней не ведется никакой просветительной работы. Волисполком и сельские Советы меняются в своем составе через каждые три месяца: каждый гражданин поочередно в виде повинности входит в состав Сельсовета, в результате чего нет никакой плодотворной работы в Советах“.

Из разговоров с отдельными гражданами выяснилось, что на Советы они смотрят отрицательно, ждут свободной торговли и глубоко заражены инстинктом собственности; члены отрядов разрешения для ночлега и на покупку продуктов за наличный расчет и по соглашению для ежедневного потребления получают с большим трудом; получка хлеба или муки для выпечки хлеба не организована, почему отдельным членам отряда приходится с представителями волостного продкома обходить и собирать хлеб для отрядов.

Эти первые же неудачи сразу охладили пыл отрядов, и некоторые из них, до 100, махнув на все рукой и захватив с собой по 2—3 пуда хлеба, уехали домой. Но главная масса вернулась ко мне в Симбирск, требуя указать им выход или отправить обратно.

Особенно резко выступили московские отряды; для характеристики привожу их наказ полностью.

„Наказ делегатам, избранным съездом всех комиссаров военно-рабочих продовольственных отрядов в селе Тереньге 31 июля 1919 г., таварищам Иванову, Мельницкому и Васильеву.

Предлагаем тов. делегатам: 1) представить Симбирскому Губпродкому в самой яркой форме доклад о том ненормальном положении всех рабочих продотрядов в Сенгелеевском уезде, в котором они очутились благодаря незнанию Губпродкома того, что ему первому надо было знать, т. е. что в этом уезде совершенно выловлены все остатки урожая 1918 года; 2) заявить, что мы категорически отказываемся вернуться без хлеба на места к избравшим нас рабочим; 3) требовать немедленно срочного (по телеграфу) запроса Совета Народных Комиссаров о возможности для продотрядов взять часть нового урожая, если же С. Н. К. не разрешит данного вопроса, то просить немедленного перевода всех отрядов в соседние (Уфимскую или Самарскую) губернии для заготовки хлеба там; 4) в той же телеграмме Совнаркому заявить от имени тридцать одного рабочего продотряда, что мы посланы пролетариатом Петрограда и Москвы и обязаны привезти во что бы то ни стало хлеб, а поэтому не можем вернуться к товарищам с пустыми руками.

Товарищи делегаты, мы требуем, чтобы вы не возвращались к нам из Симбирска без определенного и категорического ответа на наши заявления.“

Если и можно было отпустить домой не имеющие большего политического значения крестьянские отряды, то по чисто политическим соображениям совершенно нельзя было разрешить возвращение обратно рабочим отрядам крупных фабрично-заводских центров.

Мною было указано им три выхода: первый—приплачивать согласно пунктов 13, 14 инструкции и пытаться заготовить таким путем, па что им были отпущены авансы; второй—меньше обращать внимания на резолюции и „доброхотные даяния“ со стороны сельских обществ, но производить согласно 2 пункта инструкции учет и реквизацию; одновременно много было возбуждено

ходатайств перед Наркомпродом о продлении срока работы по реализации нового урожая, из которого часть должна была поступить в распоряжение организаций.

Отрядам мною также было указано, что путь реквизации, несомненно, гораздо более труден, чем путь „доброхотных даяний“ и, вероятно, потребует вооруженного содействия со стороны продармии.

Не все отряды согласились на такой метод работы: так, например, многие комиссары московских отрядов заявили, что они не могут взять на себя такой работы потому, что люди для этого не приспособлены и, если они еще остаются работать, то только в расчете на приплату и на оставление для реализации нового урожая.

Часть петроградских отрядов, наоборот, категорически заявила, что срывать твердую цену и хлебную монополию они не намерены, добровольно хлеб взять нельзя, вооруженной силы у них нет и потому они уезжают, но, если будет разрешена реализация нового урожая, то они вернутся.

Несколько иной характер носила работа отрядов, сформированных Губпродкомами. Зная всю трудность заготовки, Губпродкомы снабдили свои отряды довольно хорошей агентурой, дали им точные указания на случай возможной приплаты за провоз и обмолот, вызывавшейся тем, что трудно заставить крестьянина молотить и везти хлеб старого урожая в момент уборки нового; кроме того, часть отряда была вооружена.

Не особенно увлекаясь лишним митингованием, они сразу приступили к учету и реквизации, и это имело гораздо больший успех.

Во многих волостях крестьяне предлагали добровольно вывезти хлеб, но когда при содействии вооруженной силы продполка отряды производили все же учет, то всегда хлеба оказывалось сравнительно более того, что хотели дать добровольно.

При осмотрах хлеб редко оказывался там, где ему надлежало быть. В амбарах хлеба почти не оказывалось, его находили на подволоках, в навозе, зарытым в земле, под полом в специальных ящиках и т. д.

Необходимо отметить, что во всей губернии не было ни одного случая вооруженного столкновения. Пока отряды были не вооружены, крестьяне не допускали их до учета в тех селениях, где хлеб был, но достаточно было присутствовать 10—20 вооруженным продармейцам, как они без всяких возражений допускали к учету.

Характерный случай был в Ундоровской волости. Там нужно было вывезти ссыпанный хлеб на пристань, для чего мною и Военкомом был дан наряд на подводы. Три дня бились отряды, устраивали митинги, но не могли получить ни одной подводы; лишь после того, как по их просьбе отправили к ним на помощь 30 продармейцев, подводы были даны без всяких возражений.

Ни насилий, ни арестов не было произведено, и только одно присутствие силы делало крестьян сговорчивее.

Как мне удалось выяснить такое моральное действие присутствия вооруженной силы объясняется очень просто. Обычно в каждой деревне есть 5—10 чел. кулаков, которые на сходах лезут вперед, больше всех кричат и тем лишают возможности какого то ни было разумного решения вопроса, а робкая еще беднота и колеблющийся середняк невольно поддаются их влиянию.

Присутствие вооруженной силы заставляет кулаков молчать или совсем не являться на сходы; в ответ на слова первого же оратора вы слышите от бедноты: „оно, конечно“, „мы понимаем“, „не с голоду же помирать“, „чать тоже люди“, „как видно, выходит надо дать“...

Необходимо отметить высоко сознательное отношение рабочих подотрядов к хлебной монополии и твердым ценам. Несмотря на соблазн предоставленного им права спекулировать на повышение цен путем приплаты за провоз и обмолот, им пользовались в очень ограниченных размерах. В большинстве случаев приплата не превышала 20—25 рублей за пуд. Единственным исключением был Петроградский Райлеском, который вместо рабочего отряда прислал агентов спекулянтов, начавших закупать хлеб по 200—250 рублей за пуд, за что часть их и была арестована.

Со стороны многих Губпродкомов производящих губерний приходилось слышать много жалоб на рабочие продотряды, обвинявшиеся чуть ли не в бандитизме. Опасаясь подобных явлений, я взял с собой из Костромы небольшой, но надежный отряд продармейцев с целью немедленного пересечения проявлений малейшего хулиганства. Опасения мои оказались напрасны.

Несмотря на колоссальный наплыв отрядов и на очень скверные условия работы, никаких жалоб на действия отрядов не поступало. Больше того, все отряды заявляли, что крестьяне отказываются продавать им хлеб, молоко и пр. продукты и потому им приходится жестоко голодать, но все же ни один из них не позволил себе незаконных реквизаций. Только один отряд был замечен в пристрастном отношении к самогонке и сейчас же был отправлен обратно.

Большой хаос в работу внесли отпускники. Приезжая целыми эшалонами, они буквально, как саранча, накидывались на губернию,покупая все, что попадалось и по какой угодно цене.

За 2—3 недели цены взвинтились неимоверно: хлеб с 70 рублей дошел до 400—500 рублей за пуд, яйца с 30 рублей за 10 штук до 80—90 рублей, масло с 90 рублей за фунт до 270 рублей. Но и это продолжалось не долго; вскоре крестьяне совершенно почти отказались продавать что-либо за деньги, а требовали товары. В большинстве случаев отпускники ехали с товарами: солью, спичками, мануфактурой и предметами, приобретавшимися ими на больших и маленьких Сухаревках. Это сослужило, между прочим, плохую службу для рабочих отрядов. Когда они при агитации повторяли слова тов. Ленина о том, что у нас нет товаров и хлеб мы берем в долг, то мужички указывали, что для рабочих-то есть (они, де, нам привозят и спекулируют), а вот для крестьян их нет.

Само собой понятно, что ни один отпускник не ограничивался покупкою только двух пудов, что было бы не выгодно, если принять во внимание проезд, продолжавшийся 2—3 недели, расходы, связанные с поездкой, и довольно высокую цену за муку. Каждый вез от 8 до 20 пудов; был случай, когда задержали почти до 100 пуд. у двух спекулянтов, путешествовавших под видом отпускников.

Заградительный отряд станции „Ночка“, относившийся не особенно формально и отбиравший только бьющее в глаза количество хлеба, ежедневно реквизировал, в период времени с 1 августа до 15 сентября, до 3000 пуд.

На станции „Пильна“ отобрано до 800 пудов, на пристани Новодевичьего—до 100 пудов, пристани Симбирска—до 500 пудов.

Общее количество отобранного хлеба за время до 15 сентября доходило до 83234 пудов, что показывает, какая грандиозная волна спекулянтов прокатилась по производящим губерниям. А так как в Симбирской губернии отпускники действовали одновременно с рабочими отрядами, то понятно, что весьма незначительные прибавки за провоз не имели большого значения: если что и удавалось заготовить, то, главным образом, это достигалось давлением реальной силы и помощью продполков.

Приходится удивляться не тому, что отряды так мало заготовили, а тому, что они все же заготовили до 200000 пудов.

2. Заготовка нового хлеба.

Состояние Губпродкома накануне заготовки.

Худо ли, хорошо ли, но с реализацией урожая 1918 года покончили и перед нами встал вопрос о реализации нового урожая. Это осложнялось тем, что на приволжские губернии в этот момент должна была лечь почти вся тяжесть снабжения и фронта, и тыла. На успешную заготовку в Сибири, несмотря на всю массу имевшегося там хлеба, нельзя было особенно рассчитывать по транспортным условиям; события же на юге не только лишали нас возможности получения хлеба из южных губерний, но вызывали даже необходимость снабжения армий южного фронта.

Понятно, что выполнение такой грандиозной задачи требовало соответствующего напряжения работы Губпродкома.

Показателем состояния Губпродкома в этот момент может служить то, что из разверстки предыдущего года в $13^1/_2$ милл. пудов, им было заготовлено около 5000000 пудов, т.-е. около $40^0/_0$. Принимая во внимание, что губерния только в октябре была освобождена от белых, а в марте вспыхнуло значительное восстание, эту цифру можно было бы, пожалуй, признать и не особенно малой, но не надо забывать, что из заготовленного на выполнение нарядов пошло только 1700000 пудов, остальное пошло на самоснабжение.

Внутреннее состояние Губпродкома оказалось настолько слабо, что в самый разгар работы по заготовкам пришлось в корне реорганизовать оба заготовительных отдела: Хлебофуражный Отдел и Отдел Заготоселя; Отделов Организационного, Кооперативного, Распределительного и Секретариата совершенно не было.— Таково было состояние Гупродкома. Если к этому прибавить крайнее переутомление всех ответственных работников, которых среди кампании пришлось освободить от работы, оставив в составе Коллегии Губпродкома только двух прежних членов, остальных заменив новыми работниками, то создавшиеся условия нельзя было не признать мало благоприятными для успешного хода заготовок.

Понятно, что при таком состоянии Губпродкома на учет особенно рассчитывать было нельзя; сведения об учете в Симбирск стали поступать в половине августа.

Суммарные и не проверенные сведения были весьма тревожны: почти из всех уездов шли слухи, что своего хлеба не хватит, потребуется ввоз, при чем для всей губернии получалась довольно солидная цифра ввоза— около $2\ ^1/_2$ милл. пудов. Окончательные «данные» об учете были получены в сентябре и вполне подтвердили предварительные сведения; хотя общей сводки за неимением времени и не было сделано, но по докладам инструкторов, работавших в уездах и волостях, результаты получались одни и те же. Крестьянство сумело не только скрыть истинные цифры средней урожайности по пробному обмолоту, но даже и количество земли в натуре оказалось фактически большим по сравнению с данными земельных отделов, несмотря на только произведенный передел земли по едокам. При пробных обмолотах крестьянами применялись всевозможные действия для сокрытия истинного количества обмолота; так, например, сокрытие лучших полей, околачивание снопов во время перевозки с полей на гумно; обмолот сильными ударами, от которых зерно разлетается с ладони; простая кража зерна в карманы и т. п.

Если к этому добавить, что крестьяне Сенгилевского уезда обмолачивали солому, оставшуюся после пробного обмолота, и намолачивали еще до 7 пудов, то станет ясно, почему средний урожай с десятины колебался от 12 до 40 пудов. Опираться на такой учет при реализации урожая было, конечно, совершенно невозможно, крестьянство же при протестах против разверстки ссылалось всегда на данные учета. На почве учета почти все уполномоченные имели столкновения с крестьянством. Лично ко мне приходило много делегаций от разных обществ и, возражая против разверстки, упирали, главным образом, на учет. Возражая вначале против учета, крестьянство очень скоро поняло все его выгоды, и само начало настаивать на производство учета; очень многие селения после разверстки настаивали на производстве переучета.

Мешочничество.

Вряд ли организации, настаивающие на легальном мешочничестве, представляют себе вполне ясно тот удар, который они этим наносят заготовке хлеба.

Прежде всего, отрываясь от производительного труда отпускник-мешочник тем самым уже становится как бы безработным, что при недостатке рабочих рук является довольно ощутительным ударом по промышленности. Вслед за первым ударом по промышленности, мешочничество наносит и второй удар по транспорту.

Кто ездил в период отпускничества по нашим железным дорогам, тот ясно видел происходивший хаос, который можно сравнить только с периодом демобилизации нашей старой армии.

Поборов транспортные затруднения и попав в деревню, мешочник сразу ломает все взаимоотношения, установившиеся между населением и продорганами; мешочники быстро спеваются с деревенским кулачеством в своей ненависти к хлебной монополии и, действуя авторитетом рабочего или красноармейца, сразу разрушают всю ту работу, которую до тех пор удавалось с таким трудом наладить в деревне. С одной стороны, наши агенты, рабочие и продармейцы, ведут учет и агитацию, подготовляя почву для реализации урожая, с другой—мешочник, такой же рабочий и красноармеец, скупает хлеб по вольным ценам, меняет его на товар и борится с заградительными отрядами. Вполне понятно, что крестьяне села Новодевичьего после того, как какой-то матроский отряд разогнал и разоружил московский рабочий отряд, говорят, что «вот это настоящая власть»; понятно также, что больших трудов стоило заставить их выполнить разверстку.

Было совершенно ясно, что если не прекратится волна отпускничества, то нового хлеба мы при всем желании не сможем заготовить, почему я и посылал часто в центр телеграммы с просьбой отменить постановление об отпусках.

После отмены отпускничества, мы повели с мешочничеством правильную и планомерную борьбу и благодаря принятым мерам очень быстро изжили его. На станции «Ночка», где в начале сентября ежедневно реквизировалось от 500 до 3.000 пудов, к 15 сентября последнему сроку, поставленному нами мешочникам, реквизиция свелась к 40-50 пудам в день.

Среди прочих мер, принятых против мешочничества, укажу на следующие:

Заградительные отряды имелись не только на всех главных железнодорожных, но и на водных путях.

В борьбе с мешочниками матросы и красноармейцы немало нам мешали. Несколько раз у наших заградительных отрядов дело доходило до вооруженных стычек— вплоть до пулеметов. Правда, раненых не было, так как стреляли вверх. В с. Новодевичьем дело дошло до того, что какой-то отряд матросов вместе с мешочниками пытался

разграбить ссыпной пункт и только находчивость отряда, занявшего высокую гору в 200-300 шагах и угрожавшего оттуда обстрелом, спасла положение.

Кроме железнодорожных и водных путей рабочими продотрядами и отчасти продполком были перехвачены все тракты, что позволяло задерживать мешочника непосредственно на месте покупки.

Здесь мы применяли репрессивные меры не по отношению к мешочнику, а к продавцу спекулянту. Выяснив, у кого куплен хлеб, отряды отбирали обратно деньги или товары и возвращали их покупателю, а у продавца, кроме того, отбирали сразу все 100% разверстки. Эта мера, по имеющимся сведениям, имела очень хорошие результаты и вскоре уже мешочник не мог покупать хлеб.

Надо все же заметить, что, ведя борьбу с мешочничеством спекулятивным, приходилось делать некоторое послабление мешочничеству потребительскому, и хлеб мешочников, весших 1-1½ пуда, реквизиции почти не подвергался; как ни разлагающе действует мешочничество, как ни трудна борьба с ним, но все же ссылка некоторых производящих Губпродкомов на то, что мешочничество погубило ссыпку, по меньшей мере, легкомысленно и на примере своей работы в Симбирской губернии мне удалось доказать, что мешочничество, во время перехваченное, легко изживается, если проводить борьбу с ним твердо и планомерно.

Реализация урожая и состояние губернии.

Для того, чтобы ясно представить те условия, в которых протекала работа по реализации, необходимо вкратце коснуться общего политического состояния губернии

Уже тот факт, что в губернии, только в октябре 18 года освобожденной от чехов, в марте 19 года вспыхивает значительное кулацкое восстание, достаточно ясно, казалось бы, говорит о политическом настроении губернии. Приводимые мною выше выдержки из докладов продотрядов, где указывается на нелюбезный прием, который оказывало им сельское население и при котором они, находясь у хлеба, чуть не умирали с голоду, тоже не дают повода думать, что настроение деревни было достаточно благоприятно к Советской власти. О том же сообщали в один голос и все агенты Губпродкома и, наконец, губернский Отдел Управления весьма, и весьма не высоко отзывался о составе волостных и сельских Советов. На происходившей губернской партийной конференции выяснилось почти полное отсутствие партийной работы в деревне. Ячейки едва существовали в 3—4 уездах губернии и, кажется, только в одном из уездов их было 8.

Все это заставляло задумываться над методами работы по реализации нового урожая. На совместном заседании Губисполкома и Губкома партии мне было указано на возможность восстания. Принимая все меры предупреждения против могущих возникнуть волнений на почве проведения хлебной монополии, я все же мало верил в их возможность.

Кулацкое настроение симбирского крестьянства основывалось, как мне казалось, на каком-то взаимном непонимании.

Я плохо себе представлял, каким образом в Симбирской губернии может превалировать кулацкое настроение, раз крестьянство получило такие значительные реальные блага от революции. В Симбирской губернии до революции было приблизительно до 649 помещечьих имений и экономий с общим количеством земли до 660.637 десятин.

После революции только 9789 десятин осталось в ведении советских хозяйств и 440.740 десятин поступило в раздел крестьянству, получившем в раздел также крупные крестьянские хозяйства. Крестьяне получили много из помещичьих экономий различного инвентаря и имущества, которое можно приблизительно исчислять в сумме до 1.500.000 руб. Эти цифры говорят за то, что никакой экономической базы для кулацкого настроения в губернии не было. Не настолько же глуп крестьянин, чтобы он мог предполагать возможным сохранение при раставрации всех этих благ.

Очевидно, если и можно говорить о кулачестве, то не как об экономической силе, а как о психологическом явлении и как с таковым с ним, конечно, нужно было считаться и бороться, но методы борьбы должны быть особыми.

Чрезвычайный налог, конфискации имущества, риквизиции и особенно передел земли основательно подорвали экономическую силу кулачества и в то же время, как говорится, вывели в люди бедноту, подняв ее до уровня середняка и укрепив силу самого середняка. Не имея возможности хозяйственного обоснования, середнячество по общим экономическим условиям, переживаемым страной, не могло в достаточной степени укрепиться. Бестоварье, реквизиция хлеба, скота, лошадей, мобилизация живой рабочей силы — все это не давало возможности середняку хозяйственно укрепиться и, конечно, раздражало его. Этим могло пользоваться и пользовалось кулачество, озлобленное до крайности на Советскую власть за сведение его на уровень середняка.— Вне сомнения кулачество—наиболее развитая и толковая группа в деревне, продолжающая играть главную роль на сходах; кулак и теперь лезет вперед всех, кричит громче других и, играя на собственнических струнках крестьянина середняка, ловко подчиняет его своему влиянию. Ему могла бы противостоять бывшая беднота, но она была еще недостаточно сильна и на сходах, рассеявшись по углам, по старой привычке, занимала последнее место.

Наиболее сильной и влиятельной группой могла бы быть группа старых середняков, усиленных новыми, но для этого им необходимо было отрешиться от интересов своего хозяйства и мыслить государственно, что для рядового крестьянина не так-то легко.

Брошенные на произвол судьбы, без идейного и административного влияния со стороны советских и партийных органов, они подпали под влияние кулачества и в глазах местных руководящих органов превратились в кулаков, чем, конечно, еще больше усиливалась позиция подлинных кулаков.

Насколько сильным среди местных руководящих партийных кругов было предубеждение против середняка, видно хотя бы из того факта, что на совместном заседании Губисполкома и Губкома партии мне было указано на приезд в Симбирскую губернию Председателя В.Ц.И.К. тов. Калинина, как на событие, сыгравшее отрицательную роль в ходе хлебных заготовок. Все мои предложения о предоставлении мест в советских органах беспартийным единогласно были отвергнуты.

И все же в своей работе по реализации урожая я решил опереться на эти „кулацкие“ волостные и сельские Советы, действуя на них морально, и где это необходимо и принудительно, всем авторитетом государственной рабоче-крестьянской власти.

Разверстка.

Как я уже указал выше во второй половине августа стало совершенно ясно, что учет может дать только отрицательные результаты. Продолжать его не было никакого смысла, нужно было прибегнуть к другим методам работы. Таковых было только два: переучет и разверстка.

Можно было мобилизовать все силы и бросить их на переучет. Такой опыт был сделан в Буинском уезде, где на уездном съезде комиссаров продотрядов, еще до полу-

чения приказа о разверстке, решено было создать чрезвычайную комиссию по переучету.

Первый же блин вышел комом: лучший инструктор, крестьянин, имевший свое хозяйство и обмолотивший дома около 72 пудов с десятины, на пробном обмолоте при переучете получил только 38 пудов с десятины, тогда как обмолот при учете равнялся 42 пудам.

Не было никакой гарантии в том, что при переучете удастся получит более благоприятные результаты, чем при учете, и если мы могли отменить учет, объявив его злостным желанием сорвать работу продорганов, то отменить переучет, произведенный чрезвычайными комиссиями продорганов, было бы нельзя, и крестьяне тогда могли бы бить нас нашими же цифрами, как он пытались это сделать с учетом.

Можно было бы прибегнуть к методу подворного учета, но, во-первых, это—самый длительный и трудный метод и, применяя его, нечего было и думать о быстрой реализации урожая, а во-вторых, какой смысл делать подворные обыски, лазить по амбарам, подволокам, ямам, погребам и многим другим местам, в которых крестьянин прячет хлеб, если большую часть найденного придется оставить ему же. Если, предположим, хозяйство собрало 300 пудов, то для прокорма себя, на обсеменение ему нужно 250 пудов и бессмысленно искать эти спрятанные им же 250 пудов для него самого и только что окажется сверх этого реквизировать.

Произвести поголовные обыски на территории 43.490 кв. верст, в 1.983 селениях и 308.743 дворах не легко, да вообще едва ли достижимо. Отказавшись и от этого метода работы, я применил метод разверстки.

При проведении разверстки необходимо иметь более или менее верные сведения о состоянии сельского хозяйства и я уверен был, что статистика мне их сможет предоставить.

Оказалось, что Статистический Отдел Губпродкома знал не больше меня: известно было, что хлеб есть, а сколько и где он находится, это было неизвестно.

Неизвестны были точная площадь крестьянского землеиспользования, площадь различных культур, урожайность, количество скота, т.-е. то, что нам нужно было при повседневной работе. При таком состоянии наших „знаний" нечего было и думать о проведении поселенной или даже поволостной разверстки, приходилось ограничиваться поуездной. По таблице, составленной на основании данных Губернского Статистического Бюро, в Симбирской губернии оказалось 78 миллионов пудов хлебных излишков. Я просил представить сведения, более отвечающие действительности. Статистический Отдел Губпродкома смилостивился и понизил излишки до 24 милл. пудов, но и это было также далеким от истины. Стали искать каких-нибудь косвенных указаний и нашли их в данных о ввозе и вывозе хлеба за последний 10-летний период, в течение которого вывоз хлеба превышал ввоз на 12 милл. пудов в год. Разверстка, данная Наркомпродом в 11 милл. пудов, очевидно, соответствовала действительности, а потому эту цифру и решено было разверстать между уездами.

Очевидно, что дальше поуездной разверстки Губпродком пойти не мог, поуездную же, более или менее точную, сделать удалось довольно скоро. Уезды должны были сделать поволостную, волости — поселенную и селения—подворную разверстки.

Давая задания уездам произвести разверстку между волостями и селениями, я предвидел получение от них целого ряда возражений, резолюций собраний и сходов и т. п., что могло оттянуть ссыпку до бездорожицы, потом до установления санного пути, а хлеб мог в это время уплывать с мешочниками.

Чтобы этого не случилось, Упродкомам был дан 48-часовой срок для производства разверстки, Волисполкомам также 48-часовой и сельским советам 24-часовой. Возражения против разверстки не освобождали от ее проведения и сдачи в срок всего причитающегося количества хлеба; только по выполнении разверстки в срок возражения принимались во внимание.

Несомненно, что краткость срока для проведения разверстки сказалась на ее правильности, и в том ее отрицательное значение; положительная же сторона в том, что это заставило подтянуться все органы и от бесполезных рассуждений перейти к действию и вывело местные власти из того полусонного состояния, в котором они находились.

Стоя перед фактом необходимости действия, заранее исключающего всякую возможность возражений, места очень быстро справились с возложенной на них задачей.

Правда, при разверстке получалась довольно пестрая картина: по разверстке в разных местах приходилось от 5 до 35 пудов на десятину.

Слабое место приказа Упродкомам о разверстке было в том, что при нем не было точной инструкции, чем руководствоваться при дальнейших разверстках.

Упродкомы при разверстке по волостям руководствовались, главным образом, площадью посева, мало принимая во внимание другие условия.

Естественно, что, не имея точных сведений о культуре хлеба, они иногда могли разверстывать овес там, где были засеяны подсолнухи. Но такие случаи были очень редки и уезды довольно быстро справлялись с поволостной разверсткой.

С большею трудностью встретились Волисполкомы при селенной разверстке; лучше могли бы справиться с нею волостные съезды, но от их созыва пришлось отказаться, так как при отказе Волисполкомов от разверстки мы могли бы к ним, как к носителям Советской власти, применять те или иные меры воздействия и заставить их произвести разверстку, что исключалось в отношении волостных съездов.

Нам пришлось бы тогда столкнуться со всей массой населения и самим иметь с ним дело, при пассивном противодействии со стороны волостных Советов.

Таким образом, Волисполкомы производили разверстку и все возражения на неправильности ее направлялись к ним.

Всякая предварительная агитация при разверстке не допускалась по той простой причине, что если за два года почва не была достаточно подготовлена, то за два дня этого исправить нельзя было и собрания сельских сходов были воспрещены.

Для нас легче было иметь дело не с целыми селениями, обсуждающими разверстку, а с отдельным домохозяином, уже получившим разверстку и стоящим перед фактом необходимости ссыпки.

Более всего я опасался того, что приказ о разверстке вызовет к себе со стороны населения совершенно пассивное отношение. „Приказали, мол, ладно; разверстаем, а там делай, что хочешь—бери, как сумеешь". С таким пассивным отношением борьба была бы очень тяжела, пришлось бы прибегать к подворным осмотрам, гнать на ссыпной пункт буквально каждого домохозяина, но этого к счастью не произошло. На разверстку смотрели, как на самую ссыпку и потому сразу же поступило много заявлений об ее неправильности; но получив ответ, что жалобы могут быть рассмотрены только после выполнения разверстки первого срока, крестьяне приступили к ссыпке.

Сроки ссыпки.

Сроки ссыпки хлеба, установленные Наркомпродом, с точки зрения планомерного ведения сельского хозяйства были вполне правильны, так как они были сообразованы со временем уборки хлеба и при нормальных условиях.

Но современные условия крестьянской жизни нельзя назвать нормальными. Крестьянин знает, что от него потребуют хлеба, и заранее к этому он приготовился. Если у него хлеба мало, он весь его обмолотит, отчасти продаст мешочникам, отчасти подальше припрячет; если же, наоборот, хлеба у него очень много, то он его не молотит, оставляя в копнах. И в том, и в другом случае мы стоим перед весьма трудной задачей. Взяв первые $10^0/_0$ разверстки сравнительно легко, мы впоследствии видим или отсутствие хлеба, или необмолоченные снопы. Для обнаружения спрятанного хлеба нам приходилось по восемь-десять раз заглядывать на крестьянский двор в надежде нечаянно найти хотя какое-нибудь количество хлеба. Едва успокоившись от налета одного продотряда, крестьянство сталкивалось с другим и снова раздражалось.

Создавалась атмосфера беспрестанного напряжения, что в корне подрывало возможность культурной и политической работы в деревне. Что это так, можно видеть хотя бы из того факта, что несколько селений изъявили желание ссыпать все $100^0/_0$ разверстки сразу, лишь бы избавиться от постоянного присутствия отрядов.

Этот психологический мотив заставил меня сократить сроки выполнения разверсток. Этого сокращения требовали также и политические условия: так как в течение ближайшего периода, октября — декабря, нельзя было надеяться на получение сибирского хлеба, а вражеское наступление на юге не только отдаляло нас от южного хлеба, но требовало даже снабжения южной армии. Приволжские губернии должны были проявить в работе максимум напряжения и потому по возможности надо было сократить сроки.

В Симбирской губернии, кроме этих общих условий, были еще и чисто местные. Хотя часть продотрядников и уехала домой, но все же их осталось еще 3.500 человек, не считая 1.700 человек продармии. Целесообразно было использовать их в течение возможно более короткого срока, тем более, что продотряды не могли до конца года оставаться на работе. Все это говорило за сокр щение сроков разверстки, и я их уменьшил, назначив к ссыпке $50^0/_0$ на первое октяб я, $30^0/_0$ на 15 ноября, $10^0/_0$ на 1 января и последние $10^0/_0$ на 1 июня.

Впоследствии из-за дождей, прервавших ссыпку с 20 сентября до начала октября, первый срок был продолжен до 15 октября; второй срок также пришлось отложить до 1 декабря, как вследствие необмолота хлеба, так и потому, что железные дороги не могли справиться с вывозом хлеба, ссыпные пункты оказались забитыми и принимать хлеб было некуда.

Участие местных органов.

Особого внимания заслуживал вопрос о той роли, которую должны были играть во всей хлебной кампании волостные и сельские Советы. По всем сведениям, которые у меня имелись, на них нельзя было совершенно рассчитывать. Но для меня было также ясно, что поставить их вне кампании было невозможно.

Поскольку мы не смогли бы заставить их вести работу по реализации, сделать из них, так сказать, представителей государственной власти на местах, постольку они могли бы стать представителями местных интересов перед государственной властью. Первое, конечно, представляло значительно большие выгоды, чем второе. Как бы много отрядов и агентов у Губпродкома ни было, их все же не хватило бы на то, чтобы сразу охватить всю губернию; привлекая же к работе местные органы власти, мы совершенно свободно могли бы охватить всю губернию, наши отряды и инструктора тогда исполняли бы роль толкачей.

Раньше заготовки обычно протекали так: Губпродком в лице своих агентов, уполномоченных и отрядов заставлял население везти хлеб, волостные же и сельские Советы являлись защитниками интересов крестьянства.

Моей целью было обратное: заставить местные органы выступить в роли активных работников по проведению хлебной разверстки, а весь штат уполномоченных, агентов, инструкторов и отряды прикомандировать как бы в помощь им. Ответственными за ход ссыпки должны были быть не уполномоченные, как бы широки их полномочия не были, а органы местной власти. Возлагая такую ответственность на местные органы, необходимо было прежде всего гарантировать себя от возможного саботажа или прямого противодействия с их стороны. С этой целью в районах были созданы оперативные штабы, в составе комиссара сводного отряда, командира действующей на месте продармейской части и председателя местного Волисполкома. Давая определенные задания волостным и сельским органам власти, оперативный штаб имел право ареста всего их состава в случае уклонения или противодействия.

В общем, случаев отказа от проведени я разверстки со стороны волостных исполкомов совершенно не было, было несколько случаев отказа со стороны сельских Советов, но в этих случаях уполномоченные действовали твердо и решительно.

Так, например, в деревне Никулиной, Корсунского уезда, Совет отказался сделать разверстку. Уполномоченный арестовал весь состав сельского Совета и направил арестованных в Корсунь. Упродкомиссар направил их ко мне, но так как они дали уполномоченному обязательство выполнить разверстку и ссыпать в срок $50^0/_0$, то их освободили. Обязательство это было выполнено, члены же Совета свезли все $100^0/_0$ разверстки. Случай активного противодействия разверстке был в селе Тарасове, Ардатовского уезда. Там председатель Совета, собрав около себя сход из кулацких элементов, отказался явит ся в Волисполком, его арестовали и назначили другого, который быстро произвел разверстку. Было еще несколько аналогичных случаев отказа от разверстки, в громадной же массе разверстка была проведена без возражений.

Правда, конституцией Республики уполномоченным Губпродкома не предоставлено право арестов и смещений представителей местной власти, но необходимость заставляла меня, как представителя В. Ц. И. К., все эти меры взять на свою ответственность; полученная впоследствии телеграмма за подписью тов. Ленина и Цюрупы, предлагавшая в нужный момент действовать твердо и решительно, такого рода действия оправдывала.

Как на одну из мер понуждения к более энергичному проведению кампании, укажу на приказ членам волостных и сельских Советов ссыпать причитающиеся с них $50^0/_0$ полностью в первую очередь. Проводя эту меру, я руководствовался тем соображением, что всякий член Совета имеет кое-какие излишки. Естественно, что пока он их не сдал, нельзя от него ожидать проявления особенной энергии в понуждении к тому же других. Сохраняя хлеб у односельчанина, он тем самым сохранял его и у себя; и, наоборот, сдав хлеб, нажимал на других, чтобы самому не было обидно. Кроме того, в случае возражений против разверстки он этим мог бы показать, что разверстка выполнима. Так, например, при разговоре со мной председатель Ундоровского Волисполкома гово-

рил, что население жалуется на невыполнимость разверстки, но ведь сам-то он вывез 80% разверстки („правда, тяжело, только-только норма осталась, но ничего не поделаешь“) и при понуждении это было его главным козырем.

К телеграмме тов. Ленина и Цюрупы пришлось отнестись с некоторой осторожностью, так как я боялся „перегнуть палку“. Рискованно было требовать от членов Советов и коммунистов вывоза сразу всех 100% потому, что многие члены Советов и коммунисты для примера налагали на себя по разверстке больше, да и к тому же они, занятые советской работой, поздно управлялись с уборкой хлеба. Неосторожным огульным отношением к ним можно было из друзей или сочувствующих нажить себе врагов.

Товарообмен.

Рассматривая декрет о товарообмене от 5 августа, нельзя не отметить строгой выдержанности его в отношении социалистического распределения; до сих пор рабочий фабрик и заводов, шахтер, вырабатывая определенный, продукт, весь его отдают государству, хотя сами иногда в них очень нуждаются, теперь же и крестьянство обязано декретом все продукты своего труда сдавать государству. Государство, имея в своих руках все продукты промышленного производства и сельского хозяйства, сможет справедливо их распределить, руководствуясь принципами классового пайка. В этом—суть декрета о товарообмене от 5 августа.

Можно ли было немедленно приступить к осуществлению декрета, когда у нас нет достаточно хлеба для армии, рабочих и городов?

Если бы Губпродком захотел проводить декрет, то надо было бы распределить товары по едокам, сделать разверстку на крестьянские продукты и объявить, что, мол, везите сначала хлеб, а потом мы дадим товары. Но так как крестьянин хочет знать, что ему мы можем дать, то он терпеливо ждет.—„Дадут, мол, так, а не дадут, не больно надо“.—Начинаем ждать. Мужичек ждет спокойно и терпеливо, мы волнуемся. Первым теряет терпение потребитель рабочий; подтянув с голодухи ремень, он сбрасывает сапоги, надевает опорки, бежит к мужику и меняет ему пару сапог на пуд хлеба, другой тащится с рубахой, третий—с солью, спичками, мануфактурой и т. п. Мужичек потирает руки—его дело выгорело. Тогда мы, продовольственники, махнув рукой на товарообмен, приступаем к *выкалачиванию* хлеба и других продуктов.

К правильному продуктообмену необходим постепенный переход; а пока у нас острый товарный голод, надо поступать так, чтобы товар был пробудительной причиной сдачи хлеба и играл в этом не последнюю роль. Надо показать крестьянину, сдающему хлеб, реальный товар, а не бесконечно малые величины его и, кроме того, этот товар надо иметь тут же в деревне. Даже больше: надо дать часть товаров вперед, если все общество заключило договор о своевременной сдаче причитающихся излишков. Чтобы дать этот реальный товар, а не бесконечно малые величины его, приходится отказываться от отвлеченной справедливости равномерного распределения.

Да и что справедливей: дать по рубашке чухломскому крестьянину, не имеющему излишков, и сызранскому мужику, имеющему и не сдающему излишки, и тем морить с голоду московского рабочего, или не дать рубашки чухломскому мужику, а дать две сызранскому и, получив от него все излишки, накормить московского рабочего?

В распоряжении Симбирского Губпродкома товаров было в наличности приблизительно на 48 миллионов рублей. Если бы эти товары распределить между всем населением, то на каждого едока приходилось бы так мало, что серьезно говорить о товаре, как о побудительной причине сдачи хлеба, совершенно не приходилось бы.

Поэтому я допустил отступление от принципов декрета 5 августа: я решил все имевшееся количество товаров разверстать не по количеству едоков, а по количеству предполагаемого к поступлению хлеба от каждого селения. Не устанавливая определенного эквивалента для сдающих в общем порядке и для сдающих в порядке договоров, мы установили определенный эквивалент товаров в размере 40%, при чем 20% крестьяне могли бы получать вперед по заключении договора.

Необходимо отметить то недоверие, с которым крестьяне в первое время относились к товарообмену; ко всем нашим обещаниям товара и просьбам заключать договоры крестьяне относились скептически до тех пор, пока не увидели товара в своих кооперативах. Вводя метод заключения договоров с обществами, я вначале мало рассчитывал на его успех, но, как оказалось, он имел весьма широкое распространение; договоры стали заключать те общества, где ранее оказывалось активное сопротивление ссыпке. Ликвидируя в самом зародыше возникавшие волнения, отряд предлагал заключить договор и не уходил из селения до тех пор, пока договор заключен не был. По заключению же договора отряд оставлял селение и не было зафиксировано ни одного случая, когда бы селение не выполнило договора.

К заключению договоров я пытался привлечь кооперативы, в лице Центросоюза и Центросекции, и хотя они охотно откликнулись на это предложение, но ни одного договора заключить не могли.

Практически договоры проводились так: наш уполномоченный или председатель Волисполкома от нашего имени на сельском сходе предлагал заключить договор на ссыпку первых 50%, указывая, конечно, что, если договор не будет заключен, то все равно 50% будут изъяты.

Никакие карательные меры или неустойки в договоре не указывались, и там, где от этого были отступления, как, например, в Сенгилеевском уезде, крестьяне категорически отказывались заключать договоры. По заключении договора общество уже само следило за его выполнением.

Конечно, возникает вопрос, как относились к такому распределению товаров крестьяне, не имевшие излишков хлеба. Ко мне являлось довольно много делегаций от различных обществ с заявлениями, почему в одном селении получали два с половиной аршина мануфактуры, а в другом только по одному аршину. После более или менее длительных разговоров они уходили, если не успокоенными, то, во всяком случае, убежденными в неизбежности этой меры, как временной.

Техника проведения декрета о товарообмене мною была объявлена в следующем приказе (приказ № 3):

„1) Интересы Советской Республики требуют проведения максимума реализации урожая до начала распутицы.

2) Для ускорения хода ссыпки Губпродком разверстал на 48 миллионов рублей товаров, но не по количеству едоков, а по количеству предполагаемого к получению хлеба.

3) Причитающиеся на ваш уезд товары к 15-му сентября будут доставлены в районные кооперативные склады, находящиеся в пределах вашего уезда.

4) По получении товаров вы должны немедленно разверстать его на тех же основаниях по селениям, т.-е. не по количеству едоков, а по количеству предположенного к поступлению с селения хлеба, кроме сахара и соли, которые разверстываются на едоков.

5) Товар выдается только в обмен на хлеб, при чем селение может получить товары со складов не ранее, чем представит зачетные квитанции о добровольной сдаче хлеба на ссыпные пункты.

6) На принудительно отобранный хлеб зачетные квитанции не выдаются.

7) Товары выдаются с сохранением соотношения посланных вам товаров пропорционально причитающемуся к получению с вас на 1 октября хлеба.

8) Обратите самое широкое внимание на заключение договоров с сельскими обществами. Договоры заключайте на количество хлеба, причитающееся по разверстке к сдаче на 1 октября, понижая лишь после самой тщательной проверки.

9) По договору селениям надлежит выдавать 40% товаров, из которых половину можно выдать авансом по заключению договора, остальные по сдаче хлеба.

10) Выдача товаров без обмена на хлеб категорически воспрещается; всякое уклонение будет караться по всей строгости закона по проведению хлебной монополии.

11) В случае неимения в селении хлебных излишков товар может быть выдан в обмен на мясо, яйца, масло и картофель, но каждый раз по особому разрешению Губпродкома.

С целью популяризировать товарообмен было выпущено следующее обращение ко

„всем Волостным и Сельским Советам, ячейкам коммунистов, всем крестьянам Симбирской губернии“;

„Собран новый урожай. Некоторая часть крестьянства под влиянием кулаков и спекулянтов задает себе вопрос,—что выгоднее, припрятать ли хлеб и продать его спекулянтам и мешочникам, или же сдать на государственные ссыпные пункты?

На первый взгляд как будто бы выгоднее продать хлеб мешочникам и спекулянтам, получив от них выше твердых цен. Но посмотрим глубже, что будет, если у Советского Государства не будет хлеба. Прежде всего хлеб нужен Красной Армии, которая без хлеба может превратиться в сброд, который легко могут взять голыми руками генералы Колчак и Деникин, несущие помещичью кабалу крестьянину. Хлеб нужен рабочим. Без хлеба станут фабрики и заводы и крестьяне не получат даже и того небольшого количества товаров, которое они могут получить теперь. Хлеб нужен голодающим крестьянам севера, которые заготовляют топливо для фабрик, заводов, железных дорог и проч. Без хлеба они обречены на голодную смерть, а предприятия остановятся.

Товарищи-крестьяне, зарывая хлеб, вы роете могилу голодному. Продавая хлеб на сторону, вы предаете Красную Армию.

Ваше Рабоче-Крестьянское Правительство всем, чем может, идет вам навстречу. В помощь вам при уборке урожая посланы уборочные отряды. Твердые цены увеличены до 41 р. за пуд на рожь, 59 р. на пшеницу, 41 р. на овес, 38 р. на ячмень, 46 р. на просо, 50 р. на гречиху, 63 р. на горох «виктория», 54 р. на горох простой.

У Губпродкома имеются следующие товары: мануфактуры на 17.550.085 р., обуви на 1.567.286 р., галош на 1.310.150 р., табачных изд. (легких) на 1.557.241 р., готового платья на 400.000 р., мыла разного на 158.172 р., сахарного песку на 4.336.176 р., спичек на 65.900 р., веревок на 3.700 р., махорки на 35.000 р., кожи на 4.134.474 р., соли на 190.774 р., других разных товаров на 706.325 р., мануфактуры разной на 14.000.000 р., галантерейного товара на 350.000 р., выслано из Самары 10.000 пудов полугудрона на 850.000 р., имеется соли на 1.275.000 р.; всего более, чем на 48.000.000 р.

Все эти товары будут распределены, начиная с 15 сентября, если вы сдадите первые 50% причитающегося с вас по разверстке хлеба. Дальнейшее получение товара зависит от вас: чем больше и скорее вы дадите хлеба, тем больше и скорее мы сможем еще получить для вас товаров.

Члены ячеек коммунистов и сочувствующие волостных и сельских Советов обязаны показать пример и первыми сдать все излишки, причитающиеся по разверстке, и поощрять остальных к сдаче. Об их деятельности мы будем судить не по словам, а по тому количеству хлеба, которое поступит из волости и селения.

Все на борьбу с голодом! Беспощадная борьба с кулаками и укрывателями хлеба! Мир и слава честному крестьянину!“

Партийная мобилизация.

Возлагая такую большую и ответственную продработу на волостные и сельские органы власти, было бы наивно думать, что они проведут ее; больше того, я не был уверен в том, что Упродкомы достаточно ясно представляют себе возложенную на них задачу. Присутствие же в уездах 3500 продотрядников и 1700 продармейцев требовало внимательного и разумного их использования.

Разослав в половине августа приказ о разверстке, я вскоре поставил перед Губисполкомом и Губкомом партии вопрос о необходимости мобилизации ответственных работников для работы в уездах по проведению кампании, и встретил полнейшее сочувствие. Губком мобилизовал свыше 40 товарищей, сняв их даже с таких ответственных постов, как заведывание отделами; семь человек были назначены уездными уполномоченными с довольно широкими полномочиями, остальные поступили в их распоряжение.

Уполномоченным были поручены следующие задания: 1) проконтролировать Упродкомы, и в случае необходимости усилить их состав работниками из других отделов; 2) проинспектировать все другие советские и партийные органы с целью приспособления их аппарата к продовольственной работе; 3) обратить особое внимание на волостные и сельские Советы, не работать за них, но втянуть их в работу; 4) выяснить в Увоенкоме состав и характер местного гарнизона, выделив надежную часть на случай могущих быть волнений, и по возможности убрать части из местных крестьян; 5) проверить волостную разверстку и под своим непосредственным наблюдением провести поселенную и подворную; 6) проверить и, если нужно, изменить разбивку уездов на районы, назначив в каждый район своего особого уполномоченного; 7) проинспектировать состояние продотрядов и частей продполка и целесообразно распределить их по районам; 8) проверить распределение товаров среди населения, указав на необходимость строгого проведения принципов товарообмена; 9) мобилизовать максимальное количество партийных и советских работников в уездах для продовольственной работы; 10) по окончании разверстки повести широкую агитацию, ставя на сходах вопрос о ссыпке не в плоскость дебатов, а как неизбежную государственную повинность; 11) приступить к ссыпке и лишь после того, как ссыпка пойдет нормально, выехать обратно.

Предполагалось, что уполномоченные пробудут на местах не больше 2-х недель, но обстоятельства заставили их пробыть около месяца, и с возложенной на них задачей они справились блестяще. Можно с уверенностью

сказать, что благодаря их энергии хлебная заготовка прошла в губернии так успешно.

Прежде всего, они поставили продовольственную работу во главу угла и подняли престиж самих продработников. До их приезда львиная доля продуктов, поступавших в уезды для распределения, реквизировалась воинскими частями.

Приезду полномоченных привлек внимание всех местных работников к продорганам, поставил пред местными товарищами продовольственный вопрос во всю его грозную величину, последствием чего было то, что к продовольственной работе и в уездах удалось привлечь значительные кадры работников. Так, намример уполномоченный Сызранского уезда привлек в уезде 100 коммунистов, всего же в губернии их было привлечено около 500 человек. Уезды были ими разбиты на районы по 3 4 волости в районе, и в каждый район выехал особый уполномоченный с группою товарищей. Районные уполномоченные со своей стороны мобилизовали в волостях коммунистов и членов Совета и сразу приступили к разверстке.

В большинстве случаев, хотя разверстка в волостях и была получена, но поселенные и подворные разверстки еще определены не были—отчасти по нежеланию, а, главным образом, по неумению приступить к работе и по халатности. Приезд уполномоченных, требовавших безоговорочного проведения приказа о разверстке, встряхнул мертвую атмосферу деревни и заставил местные власти приступить к работе. По окончании разверстки уполномоченные сейчас же ставили вопрос о ссыпке, и в некоторых районах ссыпка началась через 6 часов по окончании разверстки. Метод, к которому прибегали районные уполномоченные, был очень прост и в тоже время вполне достигал цели: по окончании разверстки давался определенный наряд селению ссыпать к такому-то сроку указанное количество хлеба под ответственностью волостных и сельских Советов; в большинстве случаев наряд выполнялся почти полностью, в случае же отказа уполномоченные действовали твердо и решительно, вплоть до ареста членов Совета и вызова вооруженной силы.

Действуя в большинстве случаев в контакте с волостными и сельскими Советами, уполномоченные приучили их к революционной работе и подняли их авторитет. С приказами волостных и сельских председателей стали считаться. Помимо того, конечно, заслуживает большого внимания и агитационная работа, которая была ими проведена. Определенно можно сказать, что в губернии не осталось ни одного селения, в котором не было несколько митингов, и это имело колоссальное влияние на ход ссыпки.

Письменные доклады, и особенно беседы с каждым из них дали мне совершенно ясную картину состояния губернии, и в самый разгар работы, когда от меня требовали ответов по самым разнообразным вопросам, я мог действовать не наобум, а принимая во внимание все условия, с которыми меня ознакомили доклады.

Присутствие на местах уполномоченных было необходимо еще и потому, что в начале разверстки у крестьян и Советов возникало много вопросов, разъяснениям Упродкомов они не верили или делали вид, что не верят. и направлялись за разъяснениями ко мне. Вскоре для меня совершенно ясно стало, что во всех этих „вопросах“ скрывается просто желание оттянуть время и выждать, а потому я большинство ходоков отсылал в Упродкомы к уполномоченным, им же было дано указание проводить реквизицию первых 50%, несмотря ни на какие заявления; это, конечно, имело большее значение при выполнении ссыпки к сроку.

Продотряды и продполк.

Опыт самостоятельной заготовки отрядов давал достаточно материала для точного определения пригодности их. За неимением оружия и неспособности владеть им, отряды оказались мало пригодными, как воинская сила; самостоятельных продовольственных заданий им давать нельзя было за отсутствием у большинства продовольственного опыта; они могли быть использованы как подсобные воинские единицы при частях продполка; как рабочая сила при уборке, обмолоте хлеба и хозяйственной помощи крестьянству; как постоянная агитационная сила; как подсобная сила при приемке хлеба на ссыпных пунктах и погрузках хлеба и, наконец, при борьбе с мешочниками на трактовых дорогах и борьбе с самогонщиками.

Опыт Военпродбюро с формированием отрядов по 25 человек, как наиболее дееспособных, мною было отвергнут и я свел их в сводные отряды по 75 человек. Для координации действий сводные отряды, действующие на территории уезда, сведены были в роту и подчинены были одному уездному начальнику роты. При такой системе распыленные отряды, никому, казалось бы, не подчиненные, становились более внушительной силой и среди них удалось ввести хотя кое-какую дисциплину, прекратились постоянные съезды и совещания, посылки делегаций. Хотя положение отрядов без теплой одежды, без белья, без обуви было и очень тяжелое, но от работы они не отказывались.

Сводному отряду в 75 человек поручался отдельный район работы, в котором 50 невооруженных помогали крестьянству в работе, а 25 вооруженных несли дозоры и другую охранную службу. За неимением оружия из 25 человек пришлось вооружить не больше половины.

Инструктируя отряды, я особенное внимание обращал на то, чтобы отряды не сидели без дела, а старались как можно более быть полезными крестьянину в его повседневном труде, не отказываясь ни от какой работы. Для каждого, понимающего психологию крестьян, ясно, что, если после целого дня работы их соберут на митинг или просто заведут с ними беседу отрядники, которые целый день лежат в тени, то цена их словам будет грош.

Привыкший работать и любящий работу крестьянин презирает лежебока, и потому, конечно, всякая агитация человека, которого он презирает, будет носить только отрицательное значение, или его просто не будут слушать. Понимая это, отрядники сами не отказывались от работы, но в первый момент их не только никто не требовал, но, наоборот, когда они просили работы, им ее не давали. Выяснив стороной, что крестьяне им почему-то не доверяют, отрядники пустились на хитрость: приходят к солдатке и заводят разговор о том, как тяжело без мужика управляться, а потом предлагают помощь. Таким путем удалось уговорить 2—3 дома, при чем за работу денег не брали, на другой день поступают просьбы от целого ряда домов. Работы отрядники исполняли всякие: возили снопы, молотили, чинили инвентарь, стройки и проч. и это было, пожалуй, самой лучшей агитацией. Большее значение при агитации отрядников играло присутствие среди них небольшой вооруженной силы. Несколько вооруженных людей на сходках и в повседневной жизни затыкали рот кулакам и явным контр-революционерам, а с бедняком и середняком они быстро сходились и имели на них большое влияние. Характерно, что там, где вооруженного отряда не было, а были отдельные агитаторы или совершенно безоружный отряд, агитация не имела влияния. На это приходилось обращать особенное внимание и, прежде чем начинать агитацию, отряды вырывали середняка из-под опеки кулака и ставили его на собственные ноги—в этом и заключалась главная помощь небольших вооруженных от-

рядов. Большую пользу отряды принесли в борьбе с мешочниками и самогонщиками. Выставленные ими заставы и ночные дозоры на дорогах и в селениях перехватывали мешочника на месте и получали возможность выяснить, у кого им куплен хлеб. Уничтожением самогонщиков губерния почти исключительно обязана им, ибо, не живя в деревне, нельзя уследить за их «заводами», и тот миллион пудов хлеба, который в восемнадцатом году ушел на самогонку, в девятнадцатом пошел на питание.

Для руководства отрядам была дана следующая инструкция:

«1) До 15 августа отряды, работающие в порядке декрета 1 июля 1919 г., продолжают работать до полагающегося срока.

2) Отряды, кончившие по тем или иным причинам работу, поступают в распоряжение Губпродкома.

3) Отряды, выехавшие домой ранее разрешения Губпродкома, тридцатифунтовой нормы не получают, при чем, в случае их обратного возвращения для работы в 3-недельный срок, они пользуются этим правом наравне с оставшимися.

4) Отряды, отказавшиеся работать в порядке телеграфного указания, тридцатифунтовой нормы не получают.

5) Отряды для работы обезличиваются и сводятся Губпродкомом в сводные отряды по 3—4 полных продотряда в каждом в зависимости от размера района.

6) Работа отрядов производится в районе, районы определяются Губпродкомом.

7) В каждом районе работает один сводный отряд, состоящий из 3-х продотрядов, из коих один в случае необходимости может быть вооружен.

8) По разбивке районов отряды прежде всего принимают меры против утечки хлеба, как-то: на самогонку, вывоза мешочниками и прятание его от учета.

9) Если учет хлеба не произведен или произведен неправильно, то отряд приступает к учету.

10) В состав вооруженных отрядов выбираются люди, умеющие обращаться с оружием.

11) Уборочные отряды снабжаются по возможности машинами и орудиями и обязательно к каждому отряду придается инструктор.

12) Во главе сводного отряда становится комиссар, избираемый входящими в него отрядами, Урабблюро или Губраббюро.

13) Каждому сводному отряду Губпродкомом придается несколько специалистов-инструкторов из Губпродкома.

14) В техническом отношении отряды ведут работу по указанию Упродкомов тех уездов, в которых производится работа.

15) Волостные и сельские исполкомы обязаны снабжать отряды всеми продуктами питания по красноармейским пайкам; остальное довольствие, по той же норме, отряды получают от Губпродкома за наличный расчет.

16) Отрядам предоставляется право откомандировывать по три человека от отряда домой за теплой одеждой и бельем за счет Губпродкома.

17) Количество отрядов, необходимое для уездов, определяется Губпродкомом по количеству районов.

18) Излишние отряды могут быть переотправлены в другую губернию по соглашению Военпродбюро с Наркомпродом.

19) Работа отрядов не снимает ответственности за успешность реализации с Упродкомов и Велисполкомов, а напротив усугубляет такую, так как только при планомерном использовании сил отрядов местными организациями работа их может быть продуктивна.

20) Все сельско-хозяйственные орудия поступают в распоряжение отрядов.

21) Если обмолот будет превышать 20% предполагаемого к сдаче хлеба к 15 сентября, то из этого количества остается хлебодержателю на два месяца, остальное подлежит ссыпке [1]).

22) Отряды за время пребывания в деревне должны оказывать населению помощь в работе и по хозяйству и стараться как можно меньше времени проводить в праздности, отдавая его на помощь крестьянам.

23) Вооруженный отряд расквартировывается по возможности в одной деревне; уборочные—в ближайших друг к другу деревнях.

24) Признано необходимым охватить в первую очередь Буинский, Сызранский, Сенгилеевский и Симбирский уезды, отчасти Курмышский и в более слабой степени остальные.

25) Рабочие отряды, находящиеся в распоряжении Симгубпродкома и распыленные по районам, согласно пункта 8 инструкции содействуют работе Упродкомов и Волсоветов по реализации урожая, для чего к ним придается несколько специалистов и инструкторов от Губпродкома, Земотдела или Оргасева в целях наиболее продуктивного использования их работы по ужиму, сноповязанию, сноповозке, складыванию в скирды снопов и, наконец, по обмолоту излишков хлеба, главным образом, для семей красноармейцев, или слабосильных, т. е. не имеющим рабочих рук, семей граждан селения, также по засеву озимого хлеба и вообще для всех сельско-хозяйственных работ.

26) По выполнении срочных работ по уборке урожая, когда окончится подворный и поселенный учет, продотряды приступают к обмолоту всех излишков хлеба, подлежащих отчуждению Государству. По указанию инструктора отряд разбивается на группы и работа по обмолоту хлебов производится в первую очередь в семьях красноармейцев, затем граждан, которые в силу обстоятельств, не могут обмолотить хлеб по недостатку рабочих рук.

27) Упродкомам совместно с Уземотделом и Оргасевом вменяется в обязанность следить и контролировать работу отрядов на местах и в случае возможности использовать их не только в отдельных хозяйствах граждан, но и по уборке хлебов в хозяйствах советских, коммунальных, на землях, обработанных хозяйственным способом и средствами Оргасева, но лишь в том случае, если в данный момент для продотрядов нет подготовленных работ у отдельных граждан».

Касаясь работы продполка, или, как он потом стал называться, 30-й стрелковой бригады войск внутренней охраны, прежде всего отмечу его блестящее состояние. Состоя из бывших рабочих отрядов Петрограда и других городов и имея значительный контингент коммунистов, продполк представлял из себя хорошую дисциплинированную часть. Знание местных условий и опыт восемнадцатого года позволяли ему быстро ориентироваться во всяких условиях, и за все время работы я не получил на него ни одной жалобы. В восемнадцатом году работа продполка значительно тормозилась бестолковыми распоряжениями агентов, дробивших его на мелкие, не боеспособные единицы и перекидывавших с места на место. Учтя опыт предыдущего года, мы не дробили полка на очень мелкие части, а разбив по-ротно, как сильный кулак держали эти

[1]) Впоследствии отменено.

части в центральных пунктах уездов, перебрасывая туда, где в них была необходимость, и такое распределение оказалось вполне целесообразным.

Работа полка носила, главным образом, ударный характер по тем местам, где ссыпка по тому или другому поводу задерживалась; наладив там ссыпку, часть продполка передавала дальнейшее заведывание ею Волисполкому или продотрядам, сама же отправлялась в другое место.

Агентам, действующим в районе, категорически воспрещалось перебрасывать части с места на место без согласия Упродкома и командира роты. Переброска частей из уезда в уезд зависела всецело от моего соглашения с командиром бригады; чтобы это не могло сказаться на своевременной переброске частей, командиру бригады было поручено наладить живую связь между частями, продотрядами и продорганами. Наладить связь удалось настолько хорошо, что при всех случаях волнений части продполка всегда прибывали на место раньше, чем волнение успевало раскинуться на территорию всей волости, и только благодаря этому все волнения носили местный характер и ликвидировались в течение одного дня. С бригадой была установлена самая непрерывная связь.

Большое значение имела организованная нами конная разведка, для которой с большим трудом удалось получить несколько лошадей, и которая несла и разведку, и связь.

Общий ход работы.

Выясняя, какие факторы имели наибольшее влияние на ссыпку,—вооруженная сила, агитация или товарообмен,—я пришел к выводу, что все они имели одинаково решающее значение на ход ссыпки, и каждый из них в отдельности не имел бы большого значения.

Без решительных действий против кулацких элементов деревни мы не смогли бы привлечь к работе местные Волостные и Сельские Советы, которые местами буквально терроризовались кулаками. Так, например, председатель Ключищенского Волисполкома заявил прибывшему отряду, что он принужден, ложась спать, класть около себя винтовку, а жена его кочергу; в той же волости зарезали и сожгли семью старшего милиционера, очень дельного человека и хорошего коммуниста, за борьбу с самогонщиками и спекулянтами. Председателями наиболее кулацких Советов обычно бывали старики, выжившие из ума (с. Ключищи) или полуидиоты (Солдатская Ташла), которых сейчас же приходилось смещать. Почувствовав за собой поддержку авторитета государственной власти, Советы смогли проявить свою деятельность. Без поддержки оружием и агитация имела бы мало значения, так как кулаки всегда смогли бы, агитируя на самых низменных инстинктах, подчинить себе середняков или просто обязать их круговой порукой, как это имело место в Ардатовском уезде, где Лядовская волость обязалась порукой: «хлеба коммунистам не давать», и когда в селе Тарасовке потребовали председателя в Волисполком, он, собрав сход, в волость не пошел. При попытке уполномоченного на сходе уговорить крестьян к добровольной ссыпке кричали: «хлеба коммунистам не дадим», избили вновь назначенного председателя и даже попытались, созвав набатом другие селения, обезоружить отряд. Благодаря хорошей связи на другой день прибыл более сильный отряд. Энергичными действиями, без применения оружия отряд воспрепятствовал собраниям, арестовал несколько кулаков и предложил приступить к ссыпке. Так как к ссыпке не приступали, уполномоченный с отрядом в 10 человек зашел в первый двор и спросил, почему не везут; выяснилось, что не везли, боясь мести со стороны кулаков; заставили погрузить первые 4 дома, остальные стали грузить сами, и скоро ряд подвод потянулся к ссыпному пункту.

Увидев тарасовцев, другие селения, не дожидаясь отряда, повезли сами. После этого отряд ушел и уже под влиянием агитации были ссыпаны все 50% разверстки. Само собой и агитация без правильно организованного и строго проводимого товарообмена не имела бы большого значения. Та страшная нужда, которую испытывает крестьянство во всех товарах, разобьет всякую агитацию, если ее не удовлетворить хотя бы в слабой степени. Если товарообмен был основой агитации, то беспощадная борьба с кулачеством расчищала почву и, чем активнее действовало кулачество, тем решительней действовали мы.

Правда, случаев подобных указанному по Ардатовскому уезду было еще только два: один в селе Протопоповке, Буинского уезда и один в селе Сосновке, Сенгилеевского уезда. И тут, и там толпа делала попытку обезоружить продармейцев и даже отбить у них пулемет. Пулеметным огнем, открытым вверх, а в другом случае бомбой, брошенной в сторону, наступающие были рассеяны, и на другой же день сразу, всем селом приступили к ссыпке хлеба и вывезли все причитающиеся с них 50% разверстки. Подавив такими решительными мерами попытки к невыполнению разверстки только в трех местах, о чем, конечно, стало известно всей губернии, мы тем самым пресекли всякую охоту к их повторению. Указание, данное центром о необходимости действовать осмотрительно, но, начав действовать, доводить дело до конца, исполнялось всегда. Когда селения или волости, не оказывая активного противодействия, под тем или иным предлогом не везли хлеб, достаточно было строгого предписания Волсовету, посылки почти невооруженного продотряда, как хлеб трогался. Так, при поездке в Ундровскую волость я увидел, что к 25 октября волость вывезла только 30%, а селение Вышка совсем не вывезло ни одного пуда. При отъезде я приказал председателю Волсовета к 1 ноября вывезти все 50%, а селению Вышки 75% и посадил заведывающего продотделом Волисполкома под арест на 72 часа за бездеятельность. Через семь дней Волисполком донес, что из 111.000 пудов разверстки ссыпано 74.000 пудов, т.-е. около 70%. Когда же такие предписания не действовали, то принимались решительные меры вплоть до ареста Советов. Любопытно отметить, что на арест своих Советов селения сейчас же отвечали ссыпкой хлеба, спешили выполнить всю разверстку и по ссыпке сейчас же являлись депутации с просьбой освободить Совет.

Если же предписание и даже арест не действовали, то применяли вооруженную силу. Так, 2 ноября Симбирский Упродкомиссар доложил мне, что Ключищенская и Подкуровская волости совершенно не подчиняются разверстке. Надо отметить, что волости эти имеют много хлеба, картофеля и мяса, а потому спекулируют не только ими, но самогонкой и патокой, которые выделывают домашним способом. Посланная от бригады негласная разведка выяснила, что в волостях скрываются дезертиры, есть оружие, курят самогонку и патоку.

Из хлебной разверстки Ключищи выполнили 12%, мясной — 30, а картофеля вместо 2 миллионов пудов ссыпали несколько тысяч пудов. Подкуровская волость выполнила еще того меньше. Я решил отправить целую экспедицию под руководством члена Губпродкома, командира бригады и представителя Губчека. На место прибыл почти весь состав Уисполкома и Упродкома, а также две роты продполка. Заняв на рассвете большое (1160 дворов) село Ключищи, запретили выезд и въезд в село и приступили к повальному обыску; то же было проделано в другом большем (1300 дворов) селении—Солдатская Ташла. Обыском было обнаружено и задержано до 300 дезертиров и арестовано до 30 явных контр-революционеров и кулаков. Селениям было ультимативно предложено немедленно выполнить 50% разверстки хлеба и 100% скота. В три дня хлеб был ссыпан и сдано свыше 1000 голов

скота. Другие селения, видя, что повезли Ключищенские и Тетюшские, тронулись следом и по истечение пяти дней экспедиция вернулась.

Большим тормозом в ходе ссыпки была гужевая повинность. Разъезды различных агентов и уполномоченных и особенно вывозка леса отнимали у нас местами до 75% подвод, и хлеб вывозить местами совершенно не удавалось за отсутствием лошадей. Этим в значительной степени объясняется задержка сдачи первых 50% до 1 ноября в Симбирском уезде. Особенно нецелесообразно пользовались подводами в первое время. Уполномоченные железкомов, военного ведомства, водного транспорта, приезжающие с длинными мандатами, не считаясь совершенно с ссыпкою хлеба, захватывали ближайшие подводы, платили сверх установленной цены и заманивали премировкой соли. Но это удалось быстро урегулировать: часть подвод давали для вывоза леса, другую же направляли на выполнение хлебной разверстки, потом, выполнившие разверстку, направлялись на дрова, а возившие дрова на хлеб.

Но вот хлеб тронулся могучей лавиной, нужно было его принять на пунктах, погрузить и отправить и тут-то сказались организационные недостатки аппарата Губпродкома. Отовсюду шли отчаянные вопли: то кадей нет, кади есть, гирь нет; гири есть, людей нет; люди есть, тары нет; тара есть, ушивки нет; ушивка есть, денег нет и т. д. Это было неожиданно. Я ожидал препятствий при заготовке, заранее готовился к ним и принял меры, но когда оказалось, что мы не можем принять хлеба, это было неожиданно. Я увольнял, арестовывал, угрожал даже расстрелом, посылал уполномоченных, выезжал сам. Открытием временных выставочных пунктов в волостных амбарах и использованием всего аппарата удалось принять на ссыпные пункты к 1 ноября свыше $4^1/_2$ милл. пудов хлеба и до $1^1/_2$ милл. пудов ссыпать в выставочных волостях и даже сельских амбарах. Надо заметить, что это была большая победа, потому что частный хлебный торговый аппарат никогда не принимал такого количества хлеба, несмотря на то, что тогда работало несколько фирм с довольно большим аппаратом.

Изучая вопрос о ссыпке хлеба и причинах заминки в приеме, я пришел к выводу о необходимости внести некоторые изменения в это дело. В восемнадцатом году ссыпные пункты были в руках контр-агентов, главным образом, Центросоюза и Профсохлеба, которые вели ссыпку по примеру частных торговцев. Вначале я был сторонником передачи техники ссыпки хлеба в руки контр-агентов, но в ходе работы убедился, что техника ссыпки так тесно связана с заготовкой и так влияет на нее, что необходимо то и другое сосредоточить в своих руках.

Частный аппарат вел осеннюю приемку хлеба на Волге прямо в баржи, все хлебные амбары были приспособлены к зимней приемке и отправке во время большого весеннего разлива, когда вода поднималась и баржи можно было поставить около амбаров. В девятнадцатом году Транспортвод по причинам, понятным ему одному, своевременно не подал баржи и хлеб пришлось ссыпать в амбары, потом на лодках и подводах подвозить к баржам и грузить.

Объехав крупнейшие ссыпные пункты,—Ундоровский, Новодевиченский, Сенгилеевский и Усольский,—я увидел там следующую картину.—В Ундорах и Новодевичьем амбары стояли на горе в $1^1/_2$ верстах от берега, при чем при дожде никакая езда по этим горам невозможна. Сенгилеевский и Усольский—в 12—14 верстах от места стоянки и хлеб приходилось в первом случае возить на подводах, а во втором—на дощенниках. Необходимо было заранее, летом, выяснить, возможно ли получение судов к половине сентября и не на 4—5 дней, а до конца навигации для приемки хлеба прямо в баржи и, если нет, то перенести амбары хотя временно до зимней приемки хлеба ближе к погрузке. Это стоило бы значительно дешевле, чем двойная перевалка и перевозка хлеба, а главное мы избавили бы крестьян от гужевой повинности, что их раздражает.

При ссыпных пунктах необходимо иметь кузницу, где крестьянин мог бы подковать лошадь, починить сломанную телегу. Необходимо иметь чайную, где он мог бы отдохнуть от дороги, обсохнуть и закусить.

Контрагенты по ссыпке, не заинтересованные в заготовке, конечно, всего этого не предусмотрят и только Губпродком, ведущий сам заготовку, может так внимательно отнестись к мелким нуждам крестьянина.

Несвоевременная подача баржей, затруднения с подводами, отсутствие грузчиков и особенно отсутствие вагонов, общая бесхозяйственная постановка грозили совершенно сорвать ссыпку. Для усиления погрузки я привлек агентов и уполномоченных голодающих губерний и должен сказать, что все разговоры о том, что представители голодающих губерний мешают работе, являются пустой болтовней, основанной на неумении использовать людей. В Симбирской губернии за все время своего пребывания они работали, не отказываясь ни от каких поручений, исполняли их не хуже, а иногда и лучше, агентов Губпродкома. Правда, они работают интенсивно тогда, когда видят, что интересы организации, которую они представляют, не будут страдать во время их отсутствия при распределении выполненных нарядов.

В той работе, которая была выполнена, было использовано все, что можно было использовать. Взятый в самом начале «курс», заранее продуманный, не изменялся. Резюмировать общий ход работы можно, приведя полностью приказ № 1 Губернской Комиссии по реализации урожая.

Вот текст приказа:

«В виду обнаруженных Комиссией по учету урожая злоупотреблений, выразившихся в сознательном преуменьшении площадей посева и сведений об урожае, Губернская Комиссия постановила:

1) На основании статистических данных по урожаю прошлого года и раскладки Народного Комиссариата Продовольствия немедленно произвести разверстку в губернии одиннадцати миллионов пудов всякого хлеба.

2) Ссыпка должна производиться так, чтобы не позднее 1-го октября было ссыпано $50^0/_0$ всех излишков, не позднее 15-го ноября $30^0/_0$ ссыпки, $10^0/_0$ к 15 декабря и остальные $10^0/_0$ к 15 июня.

Примечание. Упродкомы для удовлетворения потребностей своего уезда делают дополнительные разверстки к разверстке Губпродкома, представляя ее на утверждение Губпродкома; хлеб по своей разверстке они ссыпают на ссыпные пункты Губпродкома, но не ранее, чем будут выполнены первые $50^0/_0$ разверстки.

3) По получении разверстки на уезд, Упродкомы обязаны немедленно, не позднее двух дней, произвести разверстку по волостям.

4) Поволостная разверстка отправляется с нарочным инструктором в волость.

5) По получении волостной разверстки, Волостной Исполком обязан немедленно вызвать комиссаров отрядов, работающих в волости, и совместно с ними произвести поселенную разверстку, каковая должна быть окончена в 48 час. При отсутствии отрядов Волисполкомы развертывают самостоятельно. Поселенная разверстка вручается комиссарам отрядов, которые совместно с членами Волсовета разъезжаются по селениям. По прибытии в селение, немедленно созывается заседание сельского Совета, обязательно в полном составе и сейчас же приступают к подворной разверстке.

6) Подворная разверстка должна быть произведена в 24 часа без права членов Совета покидать заседание до окончания разверстки.

7) За сроки, указанные в приказе, учреждения отвечают в полном составе.

8) При обнаружении неправильностей в разверстке виновные будут привлекаться к ответственности за введение в заблуждение Губпродкома с целью поощрения спекуляции, самогонщиков и укрывателей хлеба.

9) В случае несогласия подчиненного учреждения, оно все же обязано в полной мере произвести разверстку, возбудив ходатайство перед Губпродкомом о понижении ее нормы.

10) Для выяснения правильности ходатайства Губпрокдомом командируется особая комиссия, которая в случае правильности его понижает норму, в случае же его неосновательности все расходы по выезду и работе комиссии возмещаются лично из средств лиц, возбудивших ходатайство или руководителей учреждения.

11) По окончании подворной разверстки Сельский Совет под руководством Волсовета и при содействии продотрядов и частей продполка обязан немедленно приступить к ссыпке.

12) В случае несогласия домохозяина с наложенным на него по разверстке он все же обязан немедленно приступить к ссыпке причитающихся с него первых 50%, одновременно возбудив ходатайство о понижении.

13) Сельские Советы лично и имущественно ответственны за ход ссыпки в своем селении, и им предоставляется право принимать меры принуждения к неисправным домохозяевам.

14) Волостные Советы лично и имущественно ответственны за ход ссыпки в пределах волости, им предоставляется право принимать меры принуждения к отдельным гражданам, а также и сельским Советам, отстраняя членов их от должности с преданием суду трибунала.

15) Упродкомы несут ответственность за ход ссыпки в уезде, им предоставляется право привлекать к работе Уисполкомы, в особо важных случаях Увоенкомы, привлекать к ответственности отдельных лиц, а также волостные и сельские Советы с отстранением членов их от должности.

16) Для продуктивности работы к каждому сводному отряду придается часть продполка из ближайшей роты.

17) Начальник сводного отряда, командир части продполка и председатель Волсовета, в районе которого идет работа, образуют оперативный штаб, руководящий всеми техническими силами.

18) Оперативный штаб направляет работу с таким расчетом, чтобы охватить район с крайних селений, прилегающих ближе к путям сообщения, препятствуя тем вывозу хлеба мешочникам, и по мере работы суживают линию, стягивая ее к центру.

19) При изъятии излишков отряды руководствуются разверсткой сельских Советов, не производя учета.

20) В случае отказа домохозяина вести назначенные ему по разверстке количество хлеба, отряд производит осмотр и обнаруженное количество зерна немедленно направляет на ссыпной пункт.

21) При неимении зерна отряд принуждает к обмолоту, а за неимением работников в семье и маломощности обмолачивает своими силами.

22) Для пресечения спекуляции отряд задерживает мешочников, реквизирует у них хлеб, а у лиц, продавших хлеб, отбирает сразу все 100% причитающихся по разверстке хлебных излишков.

23) Отряды строго следят за самогонщиками, при обнаружении же немедленно их арестовывают и направляют в уездную тюрьму, а хлеб, причитающийся по разверстке, берут в размере всех 100%.

24) Честным крестьянам, добровольно сдающим причитающийся с них по разверстке хлеб, отряды оказывают всякое содействие и помощь в сельско-хозяйственных работах.

25) В случае появления в селении массового мешочничества, спекуляции или выгона самогонки, сельские Советы привлекаются к ответственности за непринятие представленных им законом мер пресечения.

26) Отряды обязаны проявлять полную энергию при изъятии хлебных излишков; в случае бездеятельности или противодействия, а также формального отношения к делу сельских и волостных Советов обязаны через посредство штаба своего района довести до сведения Упродкома и Губпродкома.

27) Лица, виновные в неисполнении данного приказа, подвергаются денежному штрафу, конфискации части имущества, а также и личному задержанию.»

Для широкой популяризации хлебной кампании все время, кроме устной агитации, велась и печатная; путем выпуска отдельных листков, плакатов и помещения статей в газетах. К сожалению в этом отношении мне пришлось остаться одиноким, так как никто, несмотря на все просьбы, почти ничего не писал.

Губпродсовещание оказалось нежизненным и ограничивалось только подписыванием приказов, которые я посылал на подпись. Но это объясняется исключительно составом Губпродсовещания, в действительности же Губпродсовещания можно признать безусловно жизненными учреждениями; гораздо больше работали Упродсовещания, где в большинстве председателями я назначил Упродкомиссаров, что поднимало их авторитет среди местных работников, и, благодаря этому они смогли действовать более решительно, не поддаваясь местным влияниям.

По уездам результаты работы на 15 ноября выразились в следующих цифрах:

Уезды.	Количество разверстки.	Количество выполнения.	% выполнения.
Симбирский . . .	1.900.000	1.500.000	79,0
Сенгилеевский . . .	2.000.000	1.130.872	56,5
Сызранский . . .	3.000.000	1.302.019	43,4
Буинский . . .	2.000.000	809.925	40,5
Корсунский . . .	500.000	340.584	68,0
Алатырский . . .	100.000	100.000	100,0
Ардатовский . . .	700.000	291.540	41,7
Курмышский. . .	800.000	736.233	92,0
Итого . .	11.000.000	6.211.173	56,5

Из этого количества организациям, пославшим отряды, занаряжено 3.227.000 пуд.

Если сравнить эти цифры с прошлым годом, то заготовку надо признать удачной. И это я отношу всецело к тому, что мы не выдумывали новых методов, которые так охотно предлагают нам разные досужие товарищи на страницах газет, а без всяких отклонений и колебаний прородили разверстку на основах принятой продовольственной политики, пользуясь продовольственной диктатурой, дакларированной декретом 13 мая 1918 г. [1]).

[1]) *От редакции.* К 1-му мая 1920 г. Симбирский Губпродком заготовил хлеба 9 мил. пуд. из назначенных по разверстке 11 миллионов, т.-е. 82%.

3. Заготовка картофеля.

Первоначальная заготовка.

Насколько удачна была заготовка хлеба, настолько же не удалась заготовка картофеля: из 9 милл. пудов разверстки заготовлено всего 425.000 пудов организациями и 726.000 пудов Раукрахмалом и Рауспиртом.

В этом виноваты я и отчасти товарищи, командированные в губернию Наркомпродом. Вина наша заключается в том, что мы приняли мешочников за *государственных людей* и всецело поручили им заготовку. Если бы мы им меньше доверяли и в нужный момент устранили их от заготовки, то картофель безусловно был бы заготовлен.

К началу кампании Отдел Заготоселя Губпродкома мало внушал доверия: не только не было технического аппарата, но даже грамотного делопроизводителя, и всю коллегию Заготоселя пришлось во время работы сменить. Возник вопрос о создании своего аппарата или использовании контрагентов.

Предложили свои услуги конторы: Продсовета, Петрокомпрода, Пецеркопа, Центросоюза, Центросекции, Главвода, Иваново-Вознесенского Губпродкома и Продпути. Все они говорили о картофеле так, как будто бы он уже «лежал в кармане», и требовали, чуть не вступая в драку друг с другом, громадных районов заготовок; Центросоюз, даже обидевшись, что его приравняли к другим организациям, как представитель всероссийского объединения, предъявил претензию на заготовку во всей губернии.

Когда удалось всех примирить, кое-как распределить районы, и мы потребовали от них гарантий в заготовке определенного количества, то они, искренне или нет, были возмущены: «какая нужна гарантия, если они общественные работники и коммунисты, представители голодающих и лучше местных работников понимают муки голода» и т. д. и т. д.

После целого ряда заседаний они дали полуобязательство заготовить до $2^1/_2$ милл. пудов.

Провал „организованной заготовки".

Из всех перечисленных организаций можно выделить, как организации, имеющие более или менее удовлетворительный кадр работников, Продпуть и Продсовет, остальные же, как-то: Главвод, Центросекция, не имели совершенно агентуры и впоследствии создавали ее на местах из местных лиц, никогда р ньше не имевших соприкосновения с заготовками. Но дело можно было бы поправить, если бы во главе стояли лица, умеющие работать, поставить агентуру, создать определенный план, но и этого не было. Например, агентура Главвода по заключении договора состояла все время, по 15 ноября, из уполномоченного, его заместителя и еще одного сотрудника. Главвод, имея определенный производящий район (вся губерния была районизирована и каждой организации был предоставлен свой район), не дал ни одного пуда картофеля и только в конце октября, когда уже картофельная заготовка должна была кончиться, официально отказался от договора, мотивируя свой отказ тем, что заключая договор, он ра считывал получить наряд на всю губернию, но когда выяснилось, что такового он не получит, ему нет смысла заготовлять картофель, если он не может в свой адрес отправить 50%. Конечно, такой «государственный» образ мышления свойственен только мешочнику.

Центросекция слишком мало имела работников, и не в каждом селе, производящем картофель, был агент. Центросоюз имел только трех агентов по картофельной операции. Хотя Центросоюз указывал, что его аппарат — сельские, волостные и др. кооперативные объединения, обследование агентов Губпродкома показало, что в селе Поповке и в Поповской волости, Сенгилеевского уезда, Центросоюзом заготовка картофеля была передана на комиссионных началах кооперативным объединениям, которые не были совершенно им инструктированы: не было указано, куда ссыпать, не были назначены приемщики от Центросоюза, и в результате часть заготовленного картофеля стала портиться, а кооперативные объединения приостановили ссыпку картофеля, что даже вызвало справедливое возмущение крестьян.

Обследование районов агентами Губпродкома показало, что Центросекцией, Центросоюзом районы не использованы полностью, а из представителей Главвода никто не был в районе. Агент Пецеркопа в самом производительном картофельном районе, отведенном ему (Ключищенская волость, село Ключищи, Симбирского уезда, производительность 1.000.000 пудов), был проездом в начале октября и второй раз в начале ноября тогда, когда уже был послан отряд для реквизиции хлеба, заданием которого было также двинуть картофельную заготовку. По заявлению Пецеркопа крестьяне отказывались сдавать картофель вследствие низких цен. Членом Коллегии Губпродкома было выяснено на месте, что никакого аппарата Пецеркопа на месте не имелось, крестьяне не знали, куда и кому ссыпать. Цена была удовлетворительна и крестьяне картофель свалили в бурты на полях.

В некоторых районах заготовка не прошла потому, что крестьян не удовлетворяла существовавшая цена, в чем виноваты «организованные мешочники» (контрагенты); с уверенностью можно сказать, что вина в срыве картофельной заготовки отчасти заключается в том, что контрагенты не имели в необходимом количестве агентурного аппарата в районах, отчасти в том, что цены на картофель были сорваны Петрокомпродом и Пецеркопом, заготовлявшими по всей губернии капусту по 20—30 рублей за пуд с премировкой один-два фунта соли на пуд. Цены на капусту были установлены в 35—40 рублей, урожай ее был выше среднего. Крестьяне сдавали капусту по 20—25 рублей, по какой цене можно было заготовить 75% всего излишка капусты. Организациям, приехавшим на заготовку согласно декрету 21 января, не разрешалась заготовка капусты, и это понизило существовавшие предельные цены. Продпуть и Продсовет также указывали, что можно заготовить по 20—30 рублей, но Пецеркоп и Петрокомпрод начали премирование солью, на что ими было израсходовано 8 вагонов соли.

Конечно, нельзя было даже и думать о заготовке картофеля по 20 рублей за пуд, если за пуд капусты платили 30 рублей и 2 фунта соли.

Дабы сгладить эту слишком реальную шероховатость, Губпродком постановил премировать каждые 100 пудов картофеля 4 фунтами соли и на сданное количество картофеля кроме соли 10% товара (в счет товароснабжения). Но эта премировка, конечно, далека до 2-х фунтов соли на пуд и, конечно, в результате картофельная заготовка должна была быть сорвана. Это только маленькие примеры того, что из себя представляют организации. Можно ли на них возлагать государственной важности задачи?!

Их разгул доходит до пределов, показывающих, что они могут смело конкурировать с коммерсантами-спекулянтами. Напр., Наркомпрод заключил договор с Главкондитером на заготовку меда; последний, не имея своего заготовительного аппарата, заключил договор с Центросоюзом, этот, в свою очередь, с Пецеркопом: Пе-

церкоп с Алатырским союзом потребительских обществ, последний с волостными сельскими кооперативными объединениями, эти с частными лицами, которые покупали мед непосредственно у пасечников. На все это имеется материал в Губовоши. Почем должен обойтись фунт меда потребителю, если Пецеркоп при этой комбинации заработал на 2 вагонах меда 200.000 рублей, платя за пуд 3.200 рублей и давая и 3—4 фунта соли? Эти два вагона меда были реквизированы и отправлены в Наркомпрод.

Заготовка картофеля вышеперечисленными организациями выразилась в следующих цифрах:

Пецеркопом заготовлено—586 пуд., Петрокомпродом—18.176 пуд., Продсоветом—115.106 пуд., Центросоюзом—24.258 пуд., Главводом—24.258 пуд., Центросекцией—23.000 пуд., Продпутем—210.875 пуд., Иваново-Вознесенск. Губпродкомом—33.000 пуд. Эти цифры покажутся возмутительно малыми, если указать, что в районе Пецеркопа можно было заготовить до миллиона пудов.

Переход к заготовке картофеля путем разверстки.

К концу октября выяснился полный провал работы, но исправить дело в осеннюю кампанию было уже поздно ввиду начавшихся морозов. Кроме того, станция Охотничья, где предполагалось погрузить до 500 тысяч пудов, оказалась забитой хлебом настолько, что некуда было его ссыпать, а хлеб продолжал поступать. Преостановить же ссыпку хлеба и начать грузить картофель, даже если бы к тому представлялась возможность, было бы нелепо.

Телеграфное указание Наркомпрода о заготовке картофеля в бурты, полученное 10 ноября, приходилось принять к сведению, потому что тогда уже лежало около $1\frac{1}{2}$ четвертей снега. Всю кампанию пришлось основывать на зимней заготовке в замороженном виде и начать ее удалось не раньше 20 ноября из опасения оттепели. В качестве технического персонала мобилизовали в порядке продовольственной диктатуры всех контр-агентов (до 120 человек).

При работе решено было применить принципы и опыт хлебной кампании, как это видно из приказа о разверстке картофеля, который привожу полностью.

«1) В целях снабжения Красной Армии, рабочих и населения потребляющих центров Советской Республики, Губпродком постановил произвести разверстку на Симбирскую губернию 9.138.660 пуд. картофеля по уездам:

Ардатовскому — 1.253.180 п., Алатырскому — 170.711 п., Буинскому — 40.343 п., Курмышскому — 95.450 п., Сызранскому — 309.818 п., Симбирскому — 5.823.504 п., Сенгилеевскому — 754.317 п., Карсунскому — 691.337 п.

2) По получении разверстки Упродкомы обязаны не позднее трех дней разверстать по волостям.

3) Поволостная разверстка отправляется с инструктором в производящую волость, где производится поселенная разверстка. Разверстка должна быть закончена не позднее 3 дней.

4) Упродкомы обязаны по получении разверстки в трехдневный срок наметить сеть ссыпных пунктов и представить ее телеграфно на утверждение Губпродкома.

5) Ссыпка картофеля производится в два периода: зимний 50% и весенний остальные 50%.

6) Ссыпка картофеля должна быть начата 20 ноября (в мороженом виде) при чем: с 20 ноября по 20 декабря должно быть ссыпано 20%, с 20 декабря по 20 января 10%, с 20 января по 20 февраля 20%.

О начале ссыпки вторых 50% будет объявлено особо.

Примечание. Упродкомы для удовлетворения нужд своих уездов делают дополнительные разверстки к разверстке Губпродкома, представляя ее на утверждение Губпродкома. Картофель по своей разверстке они ссыпают на ссыпные пункты Губпродкома, но не ранее, чем будут выполнены первые 50% разверстки.

7) По произведенной подворной разверстке сельский Совет под руководством Волсовета обязан немедленно начать ссыпку картофеля на указанные Упродкомом ссыпные пункты, согласно вышеуказанных сроков.

8) Цена на картофель в Симбирской губернии устанавливается в 24 рубля пуд франко-ссыпной пункт, станция погрузки или пристань.

9) Всякое премирование солью и другими товарами отменяется.

10) На сданный картофель выдаются зачетные квитанции, на основании последних выдается товар, исходя из общих положений о товарообмене.

11) На принудительно отобранный картофель зачетные квитанции не выдаются.

12) Количество картофеля, сданного селами и волостями Упродкомам, Губпродкому, его контагентам, крахмало-паточным и спиртным заводам, учитывается Упродкомами и Волсоветами при разверстке. В последних случаях Волсоветы обязаны доводить до сведения Упродкома и Губпродкома, какое село, в каком количестве и какой организации сдало картофель.

13) В случае несогласия дворохозяина с наложенным на него количеством картофеля по разверстке, он все же обязан немедленно приступить к сдаче причитающихся с него первых 50%, одновременно возбудив ходатайство о понижении.

14) Сельские Советы лично и имущественно ответственны за ход ссыпки в пределах своего селения и им предоставляется право принимать меры принуждения к неисправным домохозяевам.

15) Волостные Советы лично и имущественно ответственны за ход ссыпки в пределах волости, им предоставляется право принимать меры принуждения к отдельным гражданам, а также и сельским Советам, отстраняя членов их от должности с преданием суду революционного трибунала.

16) Упродкомы несут ответственность за ход ссыпки в уезде, им предоставляется право привлекать к работе Увоенкомы, привлекать к ответственности отдельных лиц, а также волостные и сельские Советы с отстранением членов их от должности.

17) Приемку картофеля и расплату на ссыпных пунктах производят агенты Губпродкома.

Примечание. В тех местах, где не имеется по каким-либо причинам агентов Губпродкома, приемку производят Упродкомы.

18) Лица, виновные в неисполнении данного приказа, подвергаются денежному штрафу, конфискации имущества, а также личному задержанию».

При работе, согласно приведенного приказа, Губзаготосель гарантировал заготовить с 1 января до $2\frac{1}{2}$ миллионов пудов, что могло быть выполнено потому, что заготовка картофеля значительно легче хлебной, а хлебная кампания достаточно убедительно доказала успешность заготовки, когда работой руководит единая воля.

4. Заключение.

Если из хода хлебной заготовки можно вывести заключение, что только планомерное проведение принятой Советской Властью продовольственной политики может гарантировать поступление хлеба, то картофельная кампания показывает, что только Губпродкомы могут быть проводниками ее и гарантировать заготовки. Другой вопрос — почему Губпродкомы до сих пор недостаточно успешно справлялись с заготовками?..

Первой, и самой главной, причиной неуспешности я считаю слабую организованность продорганов. Несмотря на лозунг «все на продовольствие», до сих пор у нас нет кадра опытных продовольственников, подобрать же его довольно трудно из-за нежелания ответственных лиц итти на неблагодарную продовольственную работу и непонимания губкомов партии задачи, стоящей перед ними в этой области. Почти всюду продовольственная работа в губернии лежит на плечах одного лица, а иногда и оно никуда не годится. Потому потребляющие губернии не должны создавать своих организаций в производящих губерниях и должны усиливать Губпродкомы производящих губерний.

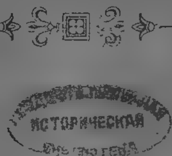
Вторая причина — это недостаточность прав Губпродкомов, которые ему приходится разделять с рядом других организаций, а часто просто уступать ретивому наскоку какого-нибудь штаба или корпуса. Я совершенно определенно могу сказать, что, если бы я был только Губпродкомиссаром, то, конечно, такого количества, какое заготовлено, мне не удалось бы заготовить, так как даже с моими постановлениями не всегда считались, и мне приходилось применять угрозы вооруженной силы продполка против не подчиняющихся военных и гражданских учреждений.

Третья причина — страх советских и партийных органов производящих губерний перед кулацкими восстаниями и отсюда неправильный вывод: стараться избежать их путем смягчения продовольственной политики, тогда как необходимо считаться с ними, как с могущими быть фактами, заранее готовиться к ним и принятием сильных и твердых мер предотвращать их.

Четвертая — отсутствие правильно налаженного товарообмена.

Пятая — отсутствие живой связи между Губпродкомом, Упродкомами и волостями.

Все эти причины на местах легко устранить, если не создавать десятка параллельных заготовительных организаций, а иметь одну достаточно мощную организацию в виде аппарата Губпродкома.

1-я Государственная типография (бывшая Сытина), Пятницкая, 71.

